

Автор:

[Алексей Марьясов](#)

18

Алексей Марьясов

Начинающий журналист и писатель случайно становится свидетелем изнасилования. Или это ему показалось? Главный герой снова и снова погружается в пучину разврата, ненависти и наркотиков, надеясь вернуть... свою невинность. Он верит, что однажды его боль принесёт ему облегчение, и ради этого готов на всё. «Пожалуй, самая искренняя книга о прощании с юностью на рубеже "девяностых" и "нулевых"». Бахыт Килибаев – сценарист, режиссер, продюсер. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Мы стоим у сауны, которая расположена в таком странном месте, что невольно закрадывается мысль о ее каком-то полулегальном положении. Это всего лишь спальный район небольшого города, и здесь вы не встретите ни ресторана, ни уж тем более стрип-бара. Зато эта сауна. Меня сразу разобрало какое-то нездоровое любопытство, когда я ее увидел. Пропasti всегда притягивают, ведь верно же?

Мы стоим вчетвером. Я. Вадик. И еще два парня, один из которых нюхает героин. Пока так часто, как ему того бы хотелось. И вроде бы без проблем. Они охранники и ведут себя соответственно, все дергаются, как ненормальные. Из окрестных девятиэтажек светит уютный свет простодушных кухонь. Интересно, знают ли местные дети о том, что здесь?

Из остановившейся «десятки» появляется какая-то медлительная пара. Она вся томная и не перестает улыбаться, обнажая чистые зубы. Сарафанчик на ней так короток, что почти видны «щечки». Не знаю, наверное, это по-своему здорово, когда они так видны, но в мире нормальных женщин не бывает таких «щечек». Уж вы понимаете, что я имею в виду.

- На рыбалку? - спрашивает Вадик у подошедшего парня в шортах цвета «сафари». В ответ он просто смеется.

- Ну покажи рыбу-то, что поймал, - весело продолжает Вадик, - расстели ее тут перед нами.

- Грязная будет, - парень тоже дергается и сплевывает, так никому до сих пор и не взглянув в глаза.

Я смотрю на девушку, она, пожалуй, действительно классная, или мне просто это кажется по обкурке. И она постоянно улыбается. До сих пор никому не сказала ни слова. Это точно проститутка. Вадик говорит, что она стоит всего двести или около того. Я вдруг поражаюсь тому, как это дешево. Может под этим сарафанчиком совсем-совсем ничего нет?

Пара разворачивается к нам спинами. Их узко-широкое сочетание почему-то навеивает грусть. Мне ее жаль. Все-таки она действительно классная.

Они идут, однако, совсем не в сауну, а в гомонящую детскими криками тень домов. И я отчего-то представляю, как сейчас там у последнего подъезда она, встав на колени, запросто делает ему минет.

- Это проститутка? - зачем-то спрашиваю я, хотя и сам прекрасно знаю, что это так.

- Шлюха, - отвечает охранник. Тот, который если и нюхал героин, то, может быть, всего раз в жизни.

Мы молчим и грызем семечки, которыми всех угощает один из дерганых. Отличное занятие, когда возникает какая-либо неловкость. Вадик тянет за рукав охранника. Его зовут Серега, он представлялся, когда мы жали друг другу

потные от летней жары руки. Я, кажется, забыл об этом вам сказать с самого начала.

Я смотрю на окна. За некоторыми маячат человеческие фигуры. Интересно, что будет, если начать палить сейчас по ним из пневматического пистолета. По стеклам, я имею в виду. Просто по стеклам, боже упаси!

В вечернем воздухе пролетает узкая тень какой-то птицы. Неужели еще не слишком темно для них? Я всегда радуюсь отчего-то птицам, летающим в сумерках. Если бы я умел здорово писать, как Джон Апдайк, я бы обязательно написал о стрижах, что с криками носятся в вечерней духоте южных городов.

Вадик тянет за рукав Серегу.

– Мы отойдем минут на пять, да, Сереж? – почти ласково говорит он.

Я пожимаю плечами, мне вообще все равно, и я почти начинаю жалеть, что согласился прийти сюда. Это мрачное место, уж поверьте. Весь город знает о нем, и половина замужних женщин этого города уже успела изменить здесь своим мужьям. Не всегда по своей воле, между прочим. Здесь вам предложат кабинки, обитые деревом, крашенные под мореный дуб, и вполне благополучный бассейн, где можно порезвиться с ребенком. Разумеется, если вы пришли сюда днем.

На верхних этажах есть, где развернуться втроем, вчетвером, в общем, как получится. Это, разумеется, если вы пришли сюда вечером. В двадцать три ноль ноль здесь час-пик. Даже смешно делается от мысли, что за каждым светящимся окном сейчас трахаются. Здесь покупают проституток, причем популярны асимметричные варианты. Я думаю о том, как это происходит впятером, и мне снова делается грустно. Сам не знаю, от чего.

– Постоите с Ашотом? – говорит мне Вадик. Ашот, стало быть, второй охранник. На наркомана, вроде бы, не очень похож. Я равнодушно киваю. Мне кажется, что я вполне смогу простоять с этим Ашотом молча все то время, что будет отсутствовать Вадик. Вот только как Ашот к этому отнесется?

Нам отдают на двоих початый кулек семечек, и я сыплю в ладонь охранника половину. Цвет кожи на его ладонях почему-то как у негра. Или мне это просто

мерещится в красноватом сумраке юга. В наших краях всегда быстро темнеет: только что был ранний вечер – и вот ты видишь, как тянутся тени от фонарей.

Мы поднимаемся с ним на огромное бетонное крыльцо с островерхой, как татарский шатер, крышей из металлочерепицы. Ашот что-то бурчит, но я не разбираю ни слова. Он говорит, не разжимая зубов, и с акцентом. Я заглядываю внутрь этого банно-бассейного комплекса. Во всяком случае, туда, где полагается находиться холлу. Ничего особенного, ковры на стенах напоминают о соцмещанстве восьмидесятых.

– Вот этому бесплатно разрешил тачку ставить, – говорит Ашот, кивая на «Москвич» со следами шпатлевки на левом крыле, похожими на родимые пятна. – Он мне сейчас мою отстраивает.

– Сколько здесь стоит час? – спрашиваю я.

– Четыреста пятьдесят-на.

Готов поклясться, он так и сказал: пятьдесят-на.

– Это с проституткой? – уточняю.

– А-а! – утвердительно гундит он.

Я снова решаю, что грех тут, в общем-то, отпускают особо не спекулируя. Так. Приемлемо.

От семечек во рту делается невыносимо сухо. Но анаша уже перестает действовать – меня отпускает. Кажется, семечки грызут только в России, причем в южных ее регионах. Помню, меня рассмешило однажды, когда я вычитал о семечках в одном американском романе – они там именовались орешками подсолнечника. Персонаж, который грыз их, был наделен чертами идиота. Семечки были для него вроде затяжного ковыряния в носу.

Я снова заглядываю в дверной проем, который, между прочим, закрыт решеткой толщиной в палец, и вижу, как с неведомо откуда начинающейся лестницы спускается пара. На этот раз на девушке длинное платье, до узких, с

очаровательными косточками, щиколоток. На ноге золотой браслетик. Как легко он может потеряться. Парень обут в спортивные тапки, из чего делаю вывод, что он приехал на машине и девушку привез, скорее всего, с собой.

Она подходит к нам и берется пальцами за решетку. Как и первая девушка, она улыбается. Она очень худая, у нее почти мальчишеская фигура.

- Мы просто на экскурсию, - так сладко говорит она, что мне кажется, будто я вижу это в кино. Я представляю, как она раздевается просто за то, что я дам ей пару сотен.

- Хотим посмотреть на церберов, - ее пальцы гладят решетку. Наверное, проститутки так и должны вести себя.

Ашот тоже приближается к решетке с другой стороны и мерзко улыбается в ответ.

- Иди, иди, туда, - говорит он, кивая вглубь холла.

Она еще раз гладит решетку, так мягко изгибая ладонь, что я отворачиваюсь.

- Иди-на! - еще раз, как-то бархатисто, ласково, говорит Ашот.

Она отходит, и парень увлекает ее за талию куда-то по лестнице вверх. Мы, оставшись вдвоем, снова плюем лузгу себе под ноги. Неожиданно Ашот, согнув руки в локтях, делает несколько резких разворотов. Я же говорю, дерганный он какой-то.

Ашот приседает, выдыхает воздух и, встав, снова резко подается корпусом вправо. У меня неожиданно возникает мысль, что если он ударит меня хотя бы один раз, то я кувыркнусь через эти перила прямехонько на асфальт. Правда, с чего бы ему бить меня?

Я завожу привычный в таких случаях разговор:

- Пять минут их уже нет. - В этом разе собеседник в ответ вообще может не отвечать или просто повторить за вами слова.

- Е...-на, - бормочет Ашот, что, по-видимому, означает - да, мол, пять минут их уже нет, эт-ты в точку, парень, попал, а пройдет еще пять минут, и они будут, так что п... поменьше и дождешься их быстрее.

Я мысленно перевожу его ответ и больше не задеваю эту тему, чувствуя себя идиотом рядом с тем, кто, по моему представлению, должен быть глуп ну просто по определению.

- [h']ля, [h']ля! - вдруг говорит Ашот, вновь как-то по-особенному ухмыляясь. Он, упершись в волосатый вырез майки двойным подбородком, смотрит за решетку. Девушка, та, что с цепочкой на ноге, стоит у ковра и продолжает улыбаться все той же долбанной пошлой ухмылкой, только выглядит она уж как-то совсем растерянно. И мне сразу же начинает казаться, что никакая она не проститутка, может быть, она даже подходила к решетке лишь для того, чтобы ее выпустили, а мы не поняли этого. И все из-за тупого Ашота.

Парень, тот, что был с ней, в шлепанцах на босу ногу по этой дебильной моде провинциалов из спальных районов, теснит ее в сторону двери, как-то мерзко пихая животом. И сразу виден весь ее страх. Она даже не пытается позвать на помощь. Говорят, что женщинам бывает даже стыдно, когда их насилуют, и потому они просто не кричат. Вот так вот молча, закрыв глаза, наверное, перепуганные до смерти, лежат под этими козлами, а они их с удовольствием пихают так, что даже заплакать, наверное, не можешь.

- Видишь, он ее хочет, а она его нет, - с акцентом говорит Ашот, без полутонов и эмоций. Наверное, он каждый вечер видит здесь такое.

- Она хочет сюда, к нам, - говорит он и снова спокойно улыбается. От его невозмутимости я немного теряюсь. Я гляжу на эту девушку, почему-то сразу бросается в глаза, какие у нее худые ноги. Интересно, зачем она сюда поехала? Неужели и впрямь не шлюха? Я вдруг думаю о том, что это, может быть, чья-то жена, и мне делается немного нехорошо. Я не хочу даже представлять себе, как выглядела бы моя, когда бы ее вот так бесцеремонно готовились трахнуть на горячей полке. Сначала один, а затем, возможно другой. Или вдвоем сразу. Я сам люблю анальный секс и знаю его, если хотите, тонкости. Так что прекрасно понимаю, какую боль это может причинять женщине.

Парень снова пихает ее и, развернув рукой, тащит к одной из деревянных дверей. В ярком дверном проеме это все выглядит как на экране цветного телевизора, у которого приглушен звук.

В уже почти совсем темном воздухе опять слышится птичий стрекот. Неужели летний день действительно так долог, что стрижам еще не спится?

Он легко, почти так же, как и за собой на лестницу, увлекает ее за дверь, и щелкнувший замок – единственный звук, который я слышу на протяжении этой сцены.

– Видел? – говорит Ашот. – Она оттуда скоро выйдет.

Он молчит, и я молчу вместе с ним.

– По идее, п... надо идти дать, – добавляет он, но так и не двигается с места.

Что сказать и как вести себя в этой ситуации, по правде говоря, не знаю. Да и не должен я, наверное, ни во что тут вмешиваться, в конце концов, меня просто попросили постоять с Ашотом десять минут. И я не хотел бы становиться участником какой-нибудь драки.

– Так только с женой можно, – говорит Ашот, – или если помолвлен уже с телкой. Или с сестрой. Она скоро выйдет.

– А если нет?

Ашот качает головой. По-моему, ему все равно. Скольких он тут сам трахнул совсем не по обоюдному согласию?

Откуда-то сбоку, я даже не заметил, как они подошли к нам, появляются Вадик и Серега. В руках у Вадика какой-то сверток. Я не знаю, что в нем, но вид его почему-то наводит на мысли о неплохой перспективе провести эту ночь с толком. Вадик всегда знает, как можно провести ночь с толком.

Впрочем, никуда я с ним не пойду. Еще полчаса моего отсутствия дома – и скандал обеспечен. Лена просто стервенеет, если я возвращаюсь позже

одиннадцати, а я чувствую себя сейчас таким усталым, что просто разговаривать с ней у меня не будет никаких сил. Женщин очень бесит, когда им не отвечаешь на их упреки, – больше всего они боятся невнимания и одиночества.

– Тут сейчас кино было, – повеселев с возвращением более понятных ему людей, сообщает Ашот. – Телка не хотела в номер заходить.

– Она не проститутка, – зачем-то говорю я.

– Че за телка? – спрашивает Серега. – Валя, что ли?

– Х... ее знает, – говорит Ашот, – не, вроде незнакомая.

Он с приятным для слуха хрустом снимает целлофан с пачки «Parliament». Хорошие сигареты, но я таких не курю – слишком дорого для такого дерьма.

– Будешь? – говорит он, приглашающим жестом большого пальца открывая пачку почти такого же цвета, как платье у девчонки, которую уволокли за дверь. Я беру и закуриваю от его зажигалки, потом снова смотрю на пакет в руках Вадика. Да там стакана два травы, уж я-то знаю. Интересно, что он скажет, если я попрошу отсыпать немного? Совсем немного.

– Слушай, пойдём, посмотрим, че там? – говорит Серега.

– Дайте же мне занюхнуть! – вдруг вмешивается Вадик.

– Там все нормально, – говорит Ашот. Когда он затягивается, то зачем-то прикрывает глаза, демонстрируя одному богу ведомо какой шарм.

– Она точно не проститутка, – снова повторяю я. Мне почему-то хорошо представляется сейчас, как ее заголяют сейчас в клубах горячего пара, а она, наверное, все так же молчит, и лишь нервно сучит ногами от обиды и страха.

– Бэлий, бэлий? – дурачась, с акцентом, вопрошает Вадик.

Сергея достает бумажник и извлекает из него крохотный квадратик фольги. Героин внутри вовсе не белый. Он серый, словно замешан на цементе.

- Только нюхать иди в машину!

Вадик забирает героин и садится в «десятку». Машина изнутри озаряется тусклым светом, словно модная витрина в антикварном магазине. Вадик сгорбился за шерстяным рулем и орудует двумя кредитками. Издали кажется, что он усердно давит блох. Затем свет гаснет.

- Пойдем, посмотрим, че там, - нервно говорит Серега. Под героином все делается очень нервно, - чтобы вывести человека из себя, достаточно нечаянно уронить на него сигаретный пепел.

Он достает связку ключей и отпирает решетку. Ашот выбрасывает сигарету, и я тоже тушу свою о перила. Я иду за ними просто потому, что мне интересно оказаться в этой странной бане, напоминающей замысловатый вертеп. Ковры на стенах выглядят ужасно - они наводят на мысли о квартирах, где за легкомысленным ситцем занавесок творятся бытовые беззакония и повседневный разврат.

- Уважаемый! - Серега грубо стучится в дверь. Ашот поводит плечами и с силой сводит мускулы на спине. Дверь толкают, но она заперта.

- Может, она выйдет? - уже безо всякой уверенности бормочет Ашот.

- Надо посмотреть, - настаиваю я.

- Ладно, открой, - Ашот машет рукой, и Серега снова берется за связку ключей. Один легко входит в замочную скважину.

Мы попадаем в небольшое помещение. Моментально становится так жарко, что пот крупными каплями начинает течь со лба. Где-то дальше, за еще одной дверцей (на этот раз вполне сомнительной прочности) раздаются какие-то звуки. Они могут означать все, что угодно. В том числе и то, что там сейчас трахаются одновременно несколько человек.

Каким-то образом я оказываюсь впереди всех, и Ашот, протянув руку над моим плечом, допотопным джентльменским жестом распахивает передо мной дверь. Словно в салон обуви приглашает даму.

Мы оказываемся будто в маленьком цирке и кабаре сразу. Я весь напрягаюсь. Какая-то болезненная эмоциональная заикленность на любой потенциальной опасности. Мне вовсе не хочется получить по морде в таком состоянии. То ли дело они, героинщики. В некотором роде, они под наркозом: бей их, а они лишь свирепеть будут. Вот Ашот, например, вообще, кажется, трезв. По меньшей мере, хоть один человек из нас в состоянии нормально постоять за себя.

Я всматриваюсь вглубь этого мини-цирка.

Посреди зала устроено какое-то круглое возвышение, словно сцена. Боковой сайдинг отликает каким-то дешевым самоварным золотом. На сцене – устремляющийся к сумеречному потолку шест. Девушка, та, которую мы видели в коридоре, абсолютно голая стоит на четвереньках на краю. Мне кажется, что при всей затемненности помещения я могу, тем не менее, рассмотреть родинку у нее на спине. Тот самый парень, так же в чем мать родила, трахает ее сзади. И не просто трахает, а будто бы пританцовывает в такт орущему радио. Другой стоит на коленях, как-то устало привалившись к этому дешевому столбу, и она старательно сосет, так, что волосы рассыпались вокруг лица и почти ничего не видно. Секунду спустя она замечает, что кто-то вошел, и, освободив рот, поворачивает голову набок. Красивое у нее лицо – словно лисичка. Но я бы, все-таки, сейчас ее не хотел – ни спереди, ни сзади.

Она сдувает мешающие волосы так деловито, как это делают хозяйки, замешивающие тесто, и на секунду оторвавшись от своего занятия, чтобы вытереть пот со лба. Лисичка улыбается всем нам, и я понимаю, что драки не будет. Не будет, если мы сейчас нормально уйдем. Никогда не известно, какой фортель может выкинуть человек двадцати пяти лет, обнюхавшийся героина. Парень поворачивает голову, и я замечаю, какие толстые складки тут же образуются на его шее. Не переставая извиваться телом, словно танцуя, он, вдобавок, принимается петь. Все это становится похоже на какой-то страшный и неприятный бред. Девчонка виляет задом и показывает мне кончик языка. Может, ее тоже чем-нибудь накачали? Хотя вряд ли. Похоже, что все это действительно просто по уговору. И ей явно нравится, вот что главное. Поэтому я решаю, что драки точно не будет.

Я тяну Ашота за рукав:

- Пойдем, тут просто угар, и все.

Он заметно напрягается. Я некстати вспоминаю, как он только что разминался.

Парень, тот, что сидит у столба, неприязненно глядит в нашу сторону, но не говорит пока ни слова. Должно быть, большинство людей, находясь без одежды, чувствуют себя слабее. Это же так просто – избить голого.

Я снова тяну Ашота, на этот раз взяв его за запястье, как ребенка.

- Да тут просто е..., - цедит он, но не препятствует мне ненавязчиво тянуть его назад, так сказать, в предбанник.

- Пусть парятся, - шепчу я ему в самое ухо.

Сергея флегматично поворачивается спиной к трахающимся. Он уходит, и мы как-то неловко переминаемся за ним.

- Да это ж шалава, - говорит он уже на улице. - На двоих дешевле, если с самой телкой договориться.

- Видать, она классная, если выглядит, как нормальная, - оправдывается Ашот. Он стал какой-то совсем нервный. Может, просто возбудился от всего этого?

- Иногда не отличишь, нормальная - ненормальная, - вставляю я. У меня из головы не идет, как она высунула язычок.

- Б...- она и есть б...

- Да ладно, - Серега тоже как-то нервно машет рукой в сторону сауны, - это ну просто такая женская сущность. Ну бабы, они и должны такими быть. Да они и так все такие.

Я на секунду задумываюсь над его нехитрой мыслью, и зачем-то некстати вспоминаю о своей жене. Мне делается нехорошо. Нехорошо от того, что Серега в общем-то прав. Да и то, что многие женщины, бывающие в этом заведении, из замужних – тоже правда.

Из «десятки» появляется Вадик. Пока что он выглядит нормально, но я знаю, что минут через десять глаза у него станут глянцевыми, а зрачки перестанут реагировать на свет, превратившись в крохотные крысиные точки. Он трет одну ноздрю и при этом старательно отхаркивается. Героиновую горечь нельзя глотать, иначе неизбежно будешь блевать.

- Ну, че там? – спрашивает он.

- Х..., – Серега пожимает плечами, – ты все вынюхал?

- Да-а, – Вадик снова трет ноздрю, потом чешет висок. Вообще-то мне давно пора идти, я лишь забежал «в баньку» на пару минут, зная, что здесь можно чем-нибудь разжиться.

Я снова думаю о Лене – хорошо, что она не знает о таких саунах. А еще лучше то, что с ней не случаются такие вещи, вроде того, что произошло с девушкой в платье цвета пачки сигарет. С другой стороны, случиться, конечно, может все что угодно. В этом мире столько говна, и почему-то все оно крутится вокруг молодежи. Самый продуктивный возраст неизбежно притягивает к себе всякую мразь. Я бы, наверное, сошел с ума, узнав, что мою жену, которую я люблю пронзительно и нежно, кто-то заставляет нюхать героин, а затем трахает, как «резиновую Зину».

Наверное, это очень сложно – сохранить любовь, когда каждый второй смотрит на твою жену, словно на какую-то суку!

Мы все стоим молча – напряженный момент, надо попрощаться и уйти. Вадик запускает в ноздрю указательный палец и медлительными движениями начинает ковырять внутри. Когда его «вставит», он не будет вытаскивать свой мерзкий палец часа два.

- Ладненько, – говорит он и чешет подбородок, – я пойду, не балуйтесь тут.

Он протягивает мне руку, и я не выдерживаю:

- Слышишь, - говорю я, - ну отсыпь немного, а?

- Да было б куда отсыпать, - равнодушно говорит Вадик и рассеянными движениями оглаживает свои карманы. Я начинаю волноваться.

- Да хоть сюда, - я достаю «стольник» и складываю его пополам в длину. - Ну, чуть-чуть.

Вадик молча берет купюру и снова садится в машину, избегая невесть чьих взглядов. Я готов облегченно вздохнуть. Мы снова все молчим, и даже стрижи перестали носиться черными полумесяцами в вечеряющем сумраке. Чей-то пронзительный голос зовет с верхних этажей ребенка. Где-то в недрах сауны очень тихо продолжает играть радио. Томительная грусть начинает копиться в моем сердце. Если я сейчас не накурюсь, то очень скоро самые черные мысли неотвязно будут преследовать меня до утра. Может быть, я не смогу из-за этого заснуть.

Когда Вадик появляется вновь, то его глаза кажутся уже заметно остекленевшими. Я воображаю себе, что он чувствует, и мне становится нехорошо. Я ненавижу героин и тех, кто находит в этом извращенный мазохистский кайф. Я сам все время блюю от героина на протяжении нескольких часов подряд.

Вадик, скруглив смуглую ладонь, передает мне маленький бумажный пакетик. Вроде тех, в которых прежде в аптеках продавали амидопирин. Я беру его и немедленно прячу в карман. Вообще-то лучше в трусы, но мне не удобно в этой компании вжикать ширинкой.

- Там тебе хватит, - медленно говорит Вадик, непрестанно почесывая нос.

Я не благодарю его.

- Давайте, - говорю я, поочередно пожимая три липкие от пота ладони.

- Давай-на, - говорит Ашот, почти не разжимая зубов.

Остальные прощаются молча. Я поворачиваюсь к ним спиной и ухожу в гомонящий детскими голосами двор. Я решаю, что пойду домой пешком через сквер и там, наверное, накурюсь.

Я шагаю быстро, и темное с сероватыми прожилками небо скользит меж неподвижных ветвей. Подростки в черных балахонах, угловатые и какие-то бесполое, целуются прямо на дороге, у киоска, где торгуют колготками. Я люблю смотреть на такие пары. Наверное, у них еще не успело испортиться дыхание, и они целуют друг друга свежо и чисто. Я улыбаюсь и ускоряю шаг, торопясь пройти мимо, чтобы они не успели подумать, что я собираюсь причинить им хоть какое-то зло.

Деревья вокруг меня тянутся ветвями к ночному небу, как дети, маленькие сумасшедшие, пытающиеся потрогать пальцами потолок, встав на цыпочки и вытянувшись в струнку.

Лисичка, наверное, еще в бане.

Я вхожу в сквер.

На ходу я достаю из початой пачки одну папиросу и выбрасываю в траву остальное. Если Лена найдет у меня в кармане «Беломор», я ничего не сумею объяснить. Я сворачиваю на одну из тропинок, что ведут к небольшому пруду. Там живут два лебедя, селезни и черепахи. Торопливыми пальцами потрошу папиросу.

Вот и пруд. Все спят, ни люди, ни звери не обращают на меня внимания. Я достаю анашу и быстро забиваю косяк. Получается даже больше, чем я рассчитывал. Огонек от спички отражается в грязной воде пруда. Я вдыхаю дым, запах которого невозможно спутать ни с чем, и надолго задерживаю его в легких. Затем еще раз. И еще. Душная тьма сгущается вокруг меня, и в глазных яблоках появляется знакомая тяжесть.

Очень скоро мне будет хорошо, и я, наверное, с удивлением и смехом буду думать о бедной лисичке и маленькой круглой сцене в парилке. К черту их! Молодое поколение, я так люблю вас всех. Мне жаль, что молодых и сильных, с чистым дыханием и ясными глазами все равно приберут к рукам всякие старые извращенцы.

Я докуриваю косяк до конца, пока у меня не начинается от дыма болеть горло.

В грязном пруду, на деревянном помосте, спят лебеди. Я знаю, что они, когда проснутся, будут деловито чистить перья, полоскать розовые клювы в воде и вытягивать шеи в сторону собирающихся зевак. Они будут вести себя так, словно почти не замечают общества друг друга. Но если их разлучить, они погибнут в одиночестве. Мне кажется, что это так. И дай бог, чтобы я не ошибся.

Глава 2

Я всегда просыпаюсь раньше. Лена, если ее не будить, может открыть глаза лишь тогда, когда утреннее солнце начнет светить ей в лицо. А я не могу так, самые неприятные мысли всегда приходят ко мне именно по утрам, когда я беззащитен. Иногда я не могу сопротивляться своим мыслям, и тогда точно можно похерить весь дальнейший сон. В детстве обо мне говорили, что я чрезвычайно впечатлительный человек. Каждый мой промах производит на меня гадкое впечатление, вот в чем дело.

Лена лежит рядом, я чувствую ее спокойное тепло и, если бы не это, то пробуждение точно было бы отвратительным. Она не знает, что я уже не сплю, она видит сон, и ее глаза вздрагивают под смеженными веками. Ее тонкая нерусская бровь сведена к переносице. Наверное, это не очень хороший сон.

Но я не бужу ее. Более того, я хочу, чтобы она и дальше не догадывалась о моем пробуждении. Пусть она узнает об этом, лишь когда я сумею выскользнуть из постели и из дома.

Я медленно сдвигаю зеленоватую простынь к ногам и сажусь в кровати. У меня ломит поясницу, должно быть, я спал в неудобной позе. Я тру глаза и долго не хочу отнимать рук от лица. Лена шевелится, но так и не может проснуться из своего тревожного сна. Ее глазные яблоки синхронно движутся. Сплетенные ресницы трогательно дрожат.

Быстрым движением я встаю и окончательно освобождаюсь от простыни. Кровать слегка раскачивается, и Лена снова неопределенно шевелится. Было бы

лучше, если бы она спала.

Я ступаю на ковер, и мои ступни тонут в его ворсе. Этот ковер, пожалуй, самая дорогая вещь в нашей квартире. Подарок на свадьбу.

Я смотрю на Лену, ее крупное белое тело (за несколько лет я приучил ее спать без ночной рубашки) сейчас не возбуждает меня, а заставляет улыбаться чему-то. Я опускаюсь в податливый ворс острыми коленями и с удовольствием нюхаю ее кожу. Но я не хочу, чтобы она просыпалась.

У меня масса дел, и некоторые из них буквально неотложны. Но мне кажется, что один день уже ничего не изменит, а когда я почувствую, что, наконец, оказался на краю, то моя больная совесть удержит меня.

Я снова укрываю Лену, мне не хочется, чтобы она осталась лежать вот так, голая, одна в пустой квартире. Сейчас главное – тихо одеться и уйти. Боров, должно быть, еще дома, но нужно торопиться, он так рано втыкается в разные движения. Хотя, если ты барыга и продаешь траву или белый, значит, ты должен сидеть дома. Ты должен быть всегда доступен, иначе грош тебе цена.

Я ухожу на кухню и выпиваю два стакана кипяченой воды. В животе словно конденсируется прохладное облако. Я торопливо отрезаю ломоть черного хлеба и жую его на ходу.

Стараясь не шуметь, натягиваю джинсы. Потом соображаю, что одеться лучше в коридоре или в ванной, тогда Лена не услышит шороха, а она очень чутко реагирует на звук, который производит одежда. Просто она знает, что я могу неожиданно уйти. Белая футболка слегка пахнет потом – я так и не успел ее постирать.

Когда много и часто куришь марихуану, то жизнь словно замирает вокруг тебя, и ты живешь в какой-то сладкой дремоте, по утрам забывая свои вечера. Тут уж не до стирки, а Лена не склонна к домашнему хозяйству. У нее благородная кость и изысканный цвет кожи. Ее предки – великие аланы, а наш брак – почти расовое преступление. Я не шучу. Мои прабабка и прадед после войны приехали селиться на новые места на телеге с запряженной коровой. Корова проковыляла из Арзгира добрую сотню километров, а после еще исправно телилась и давала молоко. Такие дела, как говорится.

Я принимаюсь искать носки в шкафу с зеркальной дверью, отодвигающейся вбок, словно в купейном вагоне. Целлофан предательски хрустит. Искусству подбирать шмотки меня научила Лена. Сама она одевается просто безукоризненно, и ее гардероб не в пример дороже моего. С ужасным хрустом черного пакета, наконец, достаю одну пару.

Лена ворочается на кровати и тихо вздыхает.

Я не закрываю шкаф – дверца может запросто заскрипеть. На цыпочках приближаюсь к выходу из комнаты. В дверях торопливо натягиваю носки.

Затем оборачиваюсь и внимательно смотрю в лицо жены. Она неожиданно поднимает веки и сонно глядит куда-то мимо меня.

– Куда ты? – так просто говорит она, что я не сразу нахожусь с ответом. Лена плотно подтягивает простынь к подбородку и резко садится. Сумею ли я придумать что-нибудь сейчас, стоя вполоборота в дверях, бросить это на ходу, запросто, как человек, спешащий по неотложным?

Я гляжу ей в глаза – она сверлит меня черными точками. Еще несколько секунд – и она заметит, что в глазах у меня ни единой мысли, а лишь растерянность. И тогда она не поверит ни единому слову из той лжи, что я придумаю для нее как поэт-импровизатор. Это все из-за того, что захрустел пакет, – она же спала еще минуту назад, черт возьми! Я смотрю ей в глаза и изо всех сил стараюсь, чтобы она не угадала, какая эмоция тормозит меня сейчас за воротник.

– Стас?! – в ее голосе злость и раздражение. Еще через пару мгновений она будет готова встать и загородить мне дверь, и тогда, чтобы уйти, мне придется хватать ее за мягкие руки.

– Я сейчас приду, – говорю я ненатурально, словно на школьном КВН.

– Я за салатами, – я улыбаюсь. Я готов ненавидеть себя, сейчас я сыграю на ее слабости, она любит, когда я что-нибудь покупаю ей к завтраку. – И молоком. Можешь пока подремать, я приду и все приготовлю.

– С чего бы это вдруг? – будто бы по слогам говорит она и откидывается на подушку. Надо уходить, лопоча на ходу всякий вздор о том, как я забацию сейчас завтрак. А ведь это могло бы быть семейной идиллией. Он просыпается раньше и приносит ей в постель наивное человеческое счастье.

Мне делается стыдно, но отступить я уже не намерен.

– Я сейчас буду, – бросаю небрежно и принимаюсь обуваться. Лена молча смотрит в потолок, по-детски закусив губу. Она мне не верит, но она любит меня, а я ее. Почему бы мне не остаться?

Все, я обут и готов идти. Смотрю на часы. Сейчас она спросит меня, во сколько я собираюсь прийти. Мне кажется, что съездить к Борову, взять у него план и вернуться можно за час. Это при благополучном раскладе. Борова просто может не оказаться дома. Будет ли тогда реабилитирован мой подлый утренний уход? А допускать скандала я просто не могу, поймите меня правильно. У меня сердце разрывается, когда я вижу, что моя ложь мучает ее.

Я молчу и поворачиваюсь спиной.

– Я тебе не верю! – вдруг почти выкрикивает она.

Я выдавливаю улыбку. В ответ она принимается плакать. Сжимает руками внезапно покрасневшее лицо, словно пытаюсь пальцами удержать набегающие слезы. Она не произносит ни слова, даже ни разу не всхлипывает. Я знаю, Лена считает это унижительным – плакать передо мной, вернее, стала так считать, а когда именно, – я просто не заметил. В ее жилах течет кровь аланов. Ее воспитывала сильная личность до того, как за это принялся я.

– Перестань устраивать истерику, – зло говорю я. – Я сейчас приду!

– Пошел к черту! – кричит она, и я, хлопнув дверью, направляюсь в этом направлении.

Я шагаю к остановке и сам готов заплакать. Я много раз воображал себя в детстве на месте злодеев из книг. И я высокомерно изучал их слабости, подобранные литератором для достоверной характеристики своего героя. Вести себя хорошо мне казалось таким пустяком. Я искренне ужаснулся своей первой подлости. И у меня до сих пор, порой, не хватает мужества не быть злодеем.

- П..., - шепчет мне вслед черно-балахонный урод, которого я нечаянно толкаю, выходя из троллейбуса.

Я оборачиваюсь и смотрю, как его скуластое лицо исчезает и теряется за спинами пассажиров. У меня холодеет в груди от бешенства. Просто школьник с проблемами самоидентификации.

- Да пошел ты..! - кричу я ему на прощание, и люди на остановке неодобрительно смотрят на меня. Что-то я такой раздражительный в последнее время. Меня так легко вывести из себя.

Я обязательно должен сегодня накуриться, у меня даже есть для этого повод - я поругался с женой и меня оскорбил какой-то недоумок.

Напротив, через дорогу, сияет вымытый супермаркет. Надо не забыть вернуться сюда после, хотя я слабо верю, что салаты способны исправить то, что произошло утром. В лучшем случае, мы сможем просто помолчать. Вот и пригодится умение понимать друг друга с полуслова. Иногда мне кажется, что мы когда-то решили быть вместе просто потому, что нам было удобно молчать вдвоем.

Я сворачиваю в подворотню. Сам не знаю, почему этим старинным словом называют четырехугольные проходы между свечками девятиэтажек. Краской из баллончика, небрежно, словно на бегу, кто-то оставил на стене знакомое имя.

Земфира - одно время ее песни слушало полстраны. Я тоже слушаю и немного удивляюсь тому, что мне это нравится. Мне бы подошла такая женщина.

Впрочем, вздор, мое самолюбие в момент истощило бы меня, как раковая опухоль. Я бы не смог мириться с таким талантом по соседству. Как бы я думал о том, что какой-нибудь идиот дронит на ее фотографию, а огромные толпы на

концертах просто испытывают экстаз.

Я патологически ревнив. А моя Лена обожает сидеть на полу. Я просто прошу не делать этого при посторонних, а между тем сам всегда с удовольствием рассматриваю ее попу и изгиб спины, когда она протягивает руку, чтобы взять книгу с низкорослого столика. Но я не хочу, чтобы другие догадались о том, какую прелесть скрывает ее аланское тело, и не сделали ее соучастницей греха даже в своих плотоядных мыслях.

Меж двух домов, в одном из которых и живет Боров, свежий ветер несет летнюю пыль. Я хочу, чтобы этот ветер означал перемену погоды, чтобы вдруг потемнело небо, грянул гром, хлынул дождь.

Кстати, вот Боров, стоит с каким-то бичом у своего подъезда, и удача, должно быть, сама идет в руки. Барыги обламывают чаще, чем продают то, что ты хочешь. Набирая номер, не стоит надеяться на то, что тебя попросят приехать в любое удобное время. «Сейчас нет, может быть, завтра» или «мне нужно перезвонить» или «остался один бутор, вот-вот подвезут лучше» – это их обыкновенные ответы на ваше угрюмое «ну как?».

Боров замечает меня и машет в ответ. На ногах он стоит как-то неуверенно, наверное, пьян или просто не спал ночью. Я почти бегу. Удивительно, но воспоминания об утренней ссоре уже не тревожат меня. Я думаю о ней рационально и даже начинаю казаться себе не виноватым.

Я протягиваю руку, и Боров, словно он и впрямь так рад меня видеть, крепко пожимает ее, широко улыбаясь мне в лицо. Его зубы омерзительны. Если бы я был женщиной, вряд ли я сумел бы заставить себя с ним поцеловаться. А каково бы мне было, пососи я у него?

– Ну как? – спрашиваю я.

– Ништяк, – почему-то вместо Борова отвечает бичуган и тоже протягивает руку.

Я понимаю, что оба они пьяны в стельку. Особенно Боров. Главное – суметь объяснить ему, чего я хочу.

– У тебя есть? – спрашиваю я уже более определенно.

В ответ он идиотски смеется. Это, конечно же, не ответ.

– Иван, – говорит Бичуган и подмигивает мне, словно я шлюха. Значит, надо знакомиться.

– Стас, – бросаю мимо и гляжу тоже мимо.

– П-п-пойдем, – говорит Боров. Он заикается даже тогда, когда трезв, просто в его несчастном мозгу что-то сломалось. Прежде он жил в Грозном, у него были жена и дочь. Потом бежал. Его семья уцелела, но она перестала быть его семьей. Теперь он кочует по квартирам, снимая жилье у алкоголиков, которые вместе с остальными человеческими качествами почему-то утратили и жадность и приобрели вместо всего этого один порок.

Боров зарабатывает на жизнь тем, что продает анашу. Механизм прост – покупаешь по дешевке и спекулируешь. Крыши, насколько я знаю, у него не было. А значит, с Боровом могло произойти все, что угодно.

В лифте пронзительно воняет мочой. За тонкими стенками скрежещет металл. Мы входим в квартиру. Судя по голосам, здесь полно народу. Какая-то женщина, похожая на состарившуюся проститутку, выходит нам на встречу.

– Антоша?! – она хватает Борова за руку, и тот шарахается в сторону. Я понимаю, что эта баба тоже пьяна. Похоже, что здесь вообще все надралось. – Пойде-е-ем, – тянет она, – ну мы же ждем. Ты куда?

Боров открывает свою комнату, бесцеремонно вталкивает внутрь нас с Иваном и захлопывает дверь, зачем-то подперев ее плечом. Некоторое время с другой стороны доносится неопределенный скулеж.

Боров, тихо матерясь, открывает лоджию, затем включает стационарный магнитофон. Играет какой-то хэви-метал.

Мы рассаживаемся в дряхлых, но очень удобных креслах. Я сажусь поближе к лоджии, чтобы дышать воздухом с улицы. В комнате у Борова воняет сигаретами

и носками. Так часто бывает. И только тут я замечаю, что нас в комнате четверо. Юля, подруга Борова, молча сидит на диване без спинки. Она улыбается всем нам, и мы разыгрываем чудесную радость от встречи.

– Привет! – она принимается пощелкивать пальцами перед нашими глазами, словно на приеме у ветеринара-невропатолога. В ответ мы трясем головами. Юля крупная девушка. Ее ноги бутылкообразно расширяются у бедер, и она беспрестанно одергивает задирающуюся черную юбку. Колготок в такую жару, понятное дело, нет. Пупырчатое раздражение сплошь покрывает ее недавно побритые голени.

Вообще-то, она хорошая. Туповатая хорошая девушка, на три с щедрым плюсом. Я знаю Борова уже три года, и все это время она была с ним. Даже странно: ей светит высшее образование, место учителя информатики в школе, родительская забота до конца дней и лихая свадьба в столовой «Военторга».

Не так уж и мало, если задуматься. Борова ожидали прогрессирующая наркомания и алкоголизм, наглые менты на улице, одиночество и тихое отчаяние. До какого-то времени они будут вместе, а затем она непременно сойдет с дистанции. Она еще будет умнеть, а вот он вряд ли.

И тогда ей однажды откроется иной мир – достойный ее, без винной отрыжки, полный других мужчин. Придется изменить своей привычке, замещающей любовь, дважды сделать очень больно – себе и ему. Завести новый телефонный номер и по-новому применить накопленный сексуальный опыт, как следует научившись трахаться в зад. И слава богу. Если, конечно, до того она не успеет стать наркоманкой.

– П-пить бу-у-удут все, – угрюмо говорит Боров, выставляя на журнальном столике четыре рюмки. Бутылка водки уже почата и наверняка теплая. Он разливает всем до краев, проливая на стол. Я пью двумя глотками и сразу же хватаю воду, опасаясь, что меня сейчас стошнит. Закусывать нечем. Мне кажется, что временами Борову вообще приходится голодать.

Мы тут же закуриваем и молча выдыхаем дым, стряхивая пепел в чрево лежащей на спине черепахи из крашеного гипса. Боров курит «Марку», ну просто полное говно. Затушив сигарету, он подсаживается на диван к Юле. Он обнимает ее за плечи, как фронтового товарища, и трется лбом о ее мягкие

волосы. Должно быть, это нежность. Она не допивает свою водку, ставит рюмку на стол и принимается гладить Борова по руке.

- Ну Антоша, - говорит она. Он чмокает ее в щеку и усаживается обратно. Тут же пытается налить по новой, но я переворачиваю свою рюмку вверх дном. Сигаретный дым попадает мне в глаза, и я плачу.

- погоди ты, - говорю сквозь слезы. - дай мне один пакет, и я пойду.

- П-пакет? - растерянно переспрашивает Боров. Он оглядывается и внимательно осматривает свою комнату. - А у м-меня щас нн-нету.

- Вообще нет?! - я разочарован. Я потерял пятнадцать минут, а меня, в конце концов, ждут дома.

- А то, что мы вечером курили, Антош? - Юля пододвигается ближе к краю дивана и снова одергивает юбку.

- А-а, - говорит он и ухмыляется.

- Давайте еще выпьем, а потом накуримся, - предлагает Иван.

Я пожимаю плечами и переворачиваю рюмку обратно, снимая мораторий на пьянство.

Мы пьем не чокаясь. На стене верещит телефон, и Боров, пошатываясь, отправляется брать трубку. Я снова закуриваю, вонючий дым перебивает вкус теплого алкоголя в моем рту. Пожалуй, это даже хорошо, что я выпил. В глазах Лены выпивка - это меньшее зло.

Интересно, как бы я вел себя, если бы это она, а не я, курила шмаль и якшалась со всякими подонками? Наверное, я бы бросил ее. Немедленно, чтобы не мучаться. А вот она мучается и продолжает жить со мной.

- Але! - кричит Боров. Он машет нам рукой, чтобы мы заткнулись, но никто и не думает трепаться.

Он вешает трубку и криво улыбается. Безадресно.

- Есть в-вариант х-х-хороший, - сообщает он. - Взять с-сигарет на оп-птовом и продать их п-п-потом. На с-сто штук. А потом м-можно в П-питер!

Он выходит, задевая плечом косяк. Я делаю музыку немного громче. Алкоголь уже всасывается в кровь, и появляется смутное желание покуролесить.

- Он в Питер собрался? - спрашиваю я у Юли.

- Он давно хочет. Говорит, что там можно раскрутиться, заработать и все такое. Он потом вернется.

- А ты с ним не едешь? - вставляет Иван. Он снимает свой перстень и кладет его на стол, как зажигалку в кафе. Юля как-то резко пожимает плечами. Ну ребенок, ей богу!

Теперь мы чокаемся, и я допиваю последнюю водку. Курить больше не хочется, и я принимаюсь рассеянно кружить пальцем по краю рюмки. Если Боров и впрямь куда-нибудь уедет, то он точно пропадет. Тем лучше для Юли.

Боров возвращается. На одной щеке у него багровеет подозрительное пятно.

- А м-мне че не на-налили? - спрашивает он, с неодобрением глядя на меня и Ивана, развалившихся в креслах.

- Антош, тебе уже хватит, - тихо и ласково говорит Юля, - хватит, Антош, а?

Она берет его руку в свои ладони и пытается усадить рядом с собой. Он нехотя плюхается и прячет прыщавое лицо за кулаками.

- На-наливайте, давайте выпьем за-за б-будущее, - наконец говорит он.

Очень хороший тост, но пить я уже не хочу. Мое будущее, каким я себе его представляю, все же лучше поганой водки за пятьдесят рублей.

– Главное сейчас – побыстрее уехать, – повторяет Боров. Он кивает сделавшейся какой-то сонной от алкоголя Юле, – я потом и тебя переправлю.

Я мысленно представляю, что в таком случае ее ждет, и ужасаюсь про себя.

– Мы курить будем? – абсолютно серьезным тоном спрашиваю я. Вся эта ситуация уже начинает меня раздражать.

Боров неожиданно выходит прочь, захлопнув за собой хлипкую дверь с такой силой, что старая краска сыпется с нее, словно крошечное конфетти.

В магнитофоне щелкает реверс. Некоторое время мы вслушиваемся в шум летнего ветра в динамиках колонок, затем на кухне слышится какая-то ругань и звонкий удар, словно кто-то с разбега налетел на алюминиевую сушилку для посуды. Юля оборачивается и с тревогой смотрит куда-то, будто обладает способностью видеть сквозь стены. Говорят, что женщины раньше чувствуют любую опасность, но мне кажется, что они просто не стесняются преждевременно показать свой страх.

Кто-то громко матерится. В коридоре гремят шаги. В комнату вваливается Боров. Его губы разбиты в кровь и он, пытаясь вытереть ее рукавом рубашки, мажет красным лицо и шею. Багровое пятно на щеке распухло и потемнело еще сильнее, словно созрело.

– Антоша! – Юля тут же испуганно кидается ему навстречу, но он не замечает ее. Шатаясь он подходит к дивану, плюхается на давно мертвые пружины и дрожащими руками пытается налить себе еще водки.

– Антоша, что случилось? Что это? – она тянется к его щеке, и он по-лошадиному дергает головой.

– Сука! – говорит Боров, – СУКА! – кричит он в стену.

У меня моментально портится настроение. Я понимаю, что начинается дерьмо, и ничего я, скорее всего, здесь не получу.

Боров сглатывает слюну. У него такой вид, словно он намеревается блевануть.

– Хватит пить, Антон! – я тянусь за бутылкой, но Боров с неожиданным проворством опережает меня. Все происходящее пока что волнует одну лишь Юлю. В компании трех нетрезвых мужчин, у одного из которых в кровь разбит рот, она чувствует себя не совсем уютно.

Дверь несмело открывается, и в проем просовывается покрасневшее лицо состарившейся шлюхи:

– Не лезь, не лезь, – неожиданно визгливо приказывает кому-то эта пьяная баба, и дверь захлопывается.

– Что случилось? – спрашиваю я, проявляя ненужное никому участие.

– М-мне дали п..., – коротко объясняет Боров, – К-кто-нибудь видел ме-меня с такой х-харей? Да н-никто, нни-никогда не видел. П-пока вы здесь си-сидели, мне д-дали п...! А теперь н... отсюда!

– Да кто ж знал, что там? – оправдывается Иван. Он трет потную шею ладонью. Я выпячиваю нижнюю губу и пытаюсь сдуть налипшие на лоб волосы. По мне, так Борова хоть бы убили. Все равно.

Боров молчит с минуту, и мы молчим, делая вид, что слушаем музыку. Никакого страха у меня нет, я лишь раздражаюсь, прикидывая, сколько еще я могу задержаться в этой квартире. Время, необходимое для похода в магазин, давно истекло.

Боров кряхтит и, поднявшись, вновь направляется к двери.

– Ты куда? – Юля поднимается вместе с ним.

– Щас, – бросает Боров.

– Да что там такое? – спрашивает Юля, обращаясь к нам. У нее такой вид, словно она вот-вот заплачет. Я бы непременно рассказал ей, если бы знал. Снова раздаются крики и мат, теперь ближе.

Дверь снова распахивается, на этот раз открытая пинком. Боров влетает в комнату и падает на кровать с пружинистой сеткой, что стоит в углу. Какой-то мужик, голый по пояс и с волосатой, как у гориллы, грудью вваливается следом. Баба, та, что похожа на проститутку, держит его за одну руку, другой он пытается изобразить какой-то угрожающий жест. Глаза у этого типа налились кровью.

– Я тебе сказал! – орет он Борову, – я тебе сказал, не подходи к ней. Понял? А не понял, так я еще объясню.

Боров ворочается на кровати. Он так пьян, что с трудом может подняться, так что бить его сейчас – просто какое-то скотство.

– Держите его! – кричит нам баба, кивая на Борова. – Держите его здесь, чтобы он не выходил.

– Я тебя сейчас ух... – бормочет Боров, в очередной раз делая попытку встать на ноги. Вид у него совсем неважный – губы опять кровоточат, и на одном ухе какая-то ссадина, как у семилетнего шалопая.

– Да ты лежи-и-и! – протяжно и насмешливо заявляет гориллообразный мужик.

– Все нормально, Вася! Вася, он ее не ударил, – баба проститутского вида снова принимается тянуть за руку мужика, – ВСЕ НОРМАЛЬНО, ВАСЯ!

Но Вася ее не слышит, ему нравится избивать слабого. Со своей бабой они наверняка трахаются на четвереньках, а чтобы ей было больнее, одновременно с членом засовывает ей в зад два пальца. И они никогда не разговаривают во время секса, чтобы ему удобнее было представить на ее месте какую-нибудь грязную шлюху, без прав и сил сопротивляться. Но она наверняка это любит.

Вася толкает Борова в грудь и, когда тот опрокидывается навзничь, деловито несколько раз бьет его в лицо. Внезапно мне делается жаль Борова, за него даже некому заступиться. Нет у него ни семьи, ни берлоги.

– Что вы делаете? – спрашивает Юля у Васи тем интеллигентным тоном, каким разговаривают трусы, попадая в переплет. – Ну что вы делаете, не бейте его!

– Я ему сказал, – рычит Вася, – я ему все сейчас объясню!

Мы с Иваном поднимаемся с мест и беспомощно топчемся рядом. В конце концов, Боров мне никто. Просто чертов барыга, которому я отдаю деньги в обмен на траву. Но все же Борову уже достаточно, чего бы он ни натворил.

Вася встает с кровати и отходит в сторону, тяжело и часто дыша. Он победил. Все кончено. Его баба может быть спокойна.

Вся троица исчезает в коридоре, я закрываю за ними дверь и опираюсь на нее спиной. Юля садится рядом с Боровом, но она так растеряна, что даже не пытается дотронуться до него или сказать что-либо. Наверное, мне нужно уйти. И как можно быстрее.

Боров трет лицо ладонями, как проснувшийся от сладкого сна человек, и что-то при этом бормочет. Неясные, словно заштрихованные, тени от колышущейся на сквозняке занавески трепещут на его лице. Я замечаю, что правый глаз у него порядком заплыл, как будто его ужалила пчела, а из уголка рта сентиментально сочится темная кровь. Наверное, он просто не чувствует боли от водки и шока.

С внезапной резвостью Боров кидается к спортивной сумке, как попало распластавшейся под сервантом мебельной моды шестидесятых. Он запускает в сумку обе руки по локоть и некоторое время копошится там.

И тут я вижу, что в руках у Борова обрез. Размышлять о том, заряжен ли он, уже нет времени.

Внезапно на меня наваливается какая-то усталость. Это никогда не закончится. Или закончится только тогда, когда Боров выйдет на кухню и кого-нибудь застрелит. Я оглядываюсь на Юлю и Ивана. Он аж побледнел, а вот она, похоже, хорошо знала о том, что лежит в сумке. Она нисколько не удивлена, а только расстроена, что все зашло так далеко.

– О-ой, – Юля кусает себя за пухлое запястье и зажмуривает глаза, словно собираясь разреветься.

Боров делает несколько шагов к двери, дуло обреза опущено вниз. Я становлюсь у него на пути и медленно протягиваю руку, как к собаке, которая может укусить.

- Антоха, ты че! - Иван пятится назад.

- Лучше отдай, - тихо говорю я Борову, - отдай, а потом спасибо скажешь.

- Антоша, не надо! - Юля повисает на его руке, она плачет. Дуло обреза по-прежнему смотрит в пол. Я понимаю, что для выстрела необходимо вначале взвести затвор.

Наверное.

В конце коридора маячит Васиная фигура. Сейчас Боров его замочит, это как пить дать.

- Перестань, - страстным шепотом говорю я ему, - перестань, ты что!

- Х...! - хрипит Боров. Вася быстро приближается к нам, и я не могу понять, видит ли он оружие или нет. Я хватаю обрез за куцый ствол и тяну к себе. Ослабевшая рука Борова подчиняется мне.

- Держи, - я передаю обрез Юле, - спрячь это быстро. Спрячь куда-нибудь.

Юля исчезает с обрезом в глубине комнаты. Обезоруженный Боров внезапно слабеет и начинает сползать, держась за дверной косяк. Я подхватываю его подмышки и волоку назад.

- Не надо его бить, - говорю я ухмыляющемуся Васе, - не надо, он очень пьян. Но Вася с неприятным чавканьем еще раз втыкает кулак в окровавленные губы. Боров дергается у меня в руках, а его голова, откинувшись, больно ударяет меня в подбородок.

- Успа-акойся, - Лариса, сучья душонка, ловит Васиные руки, как ядовитых змей, - не на-адо.

Я усаживаю Борова на диван, и он медленно обводит комнату уцелевшим глазом. Остановившись на Юле, он щурится:

- Г-где ствол? - спрашивает он зло и истерично, - к-куда ты п-положила ствол?!

- Не надо, Антош, - умоляюще произносит Юля, и ее губы вновь начинают дрожать.

- Г-где ствол, я с-с-спрашиваю?!

Ему никто не отвечает. Я подхожу к окну и пытаюсь прикурить сигарету. Руки дрожат, и в голове штиль.

- Л-ладно, - как-то успокоившись говорит Боров. Он вскакивает, но ноги изменяют ему, и Боров падает на четвереньки. Даже не пытаюсь подняться, он ползет к сумке.

Второй обрез выглядит еще кустарнее, чем первый. Но одного выстрела будет достаточно, чтобы снести Васе полбашки или отстрелить яйца. Я просто не верю своим глазам, это безумие. Боров поднимается на ноги. Черное отверстие дула блуждает, как стрелка компаса в магнитной аномалии.

- Ну перестань, - говорю я ласково.

- Т-ты понимаешь, ч-что я с-сейчас его у-убью? - спрашивает Боров, едва ворочая языком.

- Конечно, понимаю. - Я тяну руку, но Боров отходит назад. Он направляет обрез на меня. Я готов урнуться от страха, ни разу в жизни я не был на прицеле у пьяного, избитого до крови человека. Я отвожу взгляд в сторону, стараясь, чтобы Боров не понял, куда именно я смотрю.

- В-вот этого, - говорит Боров, качая обрезом, - этого х-хватит...

- Для чего хватит, Антон? - я медленно приближаюсь к Борову, пряча глаза.

Иван неслышно подходит в Борову со спины. Я становлюсь ближе и снова протягиваю руку, и когда Боров отводит ее в сторону, Иван быстро забирает чертов обрез.

- Отдай ей! - кричу я ему, кивая на Юлю. Вряд ли Боров будет пытаться забрать у нее свой ствол.

И он не пытается.

Растерянно посмотрев на нас, Боров медленно направляется к выходу.

- Ты куда? - взвизгивает Юля.

- За п-подмогой, - роняет Боров.

Он уходит, крадучись и не хлопая дверью. На кухне слышится пьяный галдеж. Некоторое время мы молчим, затем, словно по команде, закуриваем все разом.

Глава 4

- Где они? - полушепотом, выпуская дым в потолок, спрашиваю я у Юли.

- Там, - так же тихо отвечает она, кивая за диван.

- Пусть там и лежат. А ты не знаешь, кстати, куда он мог пойти?

- Наверное, к Алику, - Юля пожимает плечами, - это хорошо, Алик его успокоит. Он всегда его успокаивает.

- Кто такой Алик? - чуть насмешливо спрашиваю я. - Бандит, что ли?

- Нет, не бандит.

Я не верю, но, вообще-то, мне все равно. Неужели этот жуткий бред, наконец, закончился?

- Вот он дурак, - заявляет Иван, - ой дурак!

Водки больше нет, да никто и не хочет пить. Вот накуриться сейчас бы не помешало.

- А где трава? - спрашиваю я Юлю, - ты знаешь?

- Щас, - она встает и принимается перебирать книги, стоящие в серванте. Мне становится интересно, что же читает Боров, и я подхожу к серванту вместе с ней. Все больше боевики, романы Шитова, всякий прочий shit. В одной из книжек внутри лезвием вырезана прямоугольная полость, в ней лежит пакет.

- Давай, - я забираю у нее пакет и торопливо разворачиваю его. Трава сильно пахнет - это хороший признак. Неожиданно, без стука, открывается дверь, и я, перепугавшись, сминаю пакет с остатками травы в руке, а папиросу бросаю на пол. Чувство такое, словно меня застали в ванной за онанизмом.

Баба, та, что постарше, с таинственным видом приближается к нам и прикладывает указательный палец к сморщившимся, как две гусеницы, жирно покрашенным губам.

- Чего это они? - простодушно спрашивает Юля, - чего они дрались?

- Ууу, - тянет баба. Она объясняет, что Боров кого-то обрюхатил или, во всяком случае, собирался это делать.

Мы снова остаемся втроем. Я реанимирую косяк, остальные наблюдают за моими действиями.

Я поднимаюсь и, не говоря ни слова, выхожу на балкон. Летний зной обнимает меня. В пустом небе тает инверсионный след от самолета.

- Идите сюда, - кричу я в комнату, - здесь покурим.

Иван и Юля выходят за мной. Она сосредоточенно тиха. Ее лоб вспотел и оттого кажется словно вымазанным подсолнечным маслом. Солнце вытопило из нее пот и заодно женское обаяние. Мне жаль ее, как ребенка.

- Не бери в голову, - говорю я ей.

- Что? - она делает вид, что не понимает моих слов.

- Эта сука врет, - поясняю я, - у нее мозги от водки сломались.

- Я не знаю, - шепчет она, и мне хочется остаться с ней наедине и шептать ей пустое и ласковое. Меня возбуждают несчастные женщины - они так любят говорить о любви, а я бы многое мог ей рассказать.

Я прикуриваю папиросу, затягиваюсь едким дымом дважды и передаю по часовой стрелке. Иван курит маленькими затяжками - его легкие слишком утомлены никотином.

- Давайте-ка я пушу вам по паровозу, - говорю я. Никто не против. Я беру папиросу горящим концом в рот и выдуваю дым в подставленные трубочкой губы. Со стороны это похоже, как если бы двое решили поцеловать друг друга, но никак не решаются преодолеть последние три сантиметра. Я люблю пускать паровозы женщинам, они так простодушно приближают ко мне свои губки. А Юле я бы с удовольствием пустил настоящий цыганский паровоз, когда-нибудь я расскажу вам, что это такое.

Втроем косяк курится быстро, и уже спустя пару минут мы возвращаемся в комнату. Очарование марихуаны начинает наполнять мой мозг, не верится, что совсем недавно я забирал обрез у обезумевшего Борова.

- Подождем Антоху? - говорю я.

- Подождем прихода, - отзывается Иван. Это звучит двусмысленно, но пока не кажется смешным. Первый приступ смеха возникает, обыкновенно, через десять минут. Это и есть приход.

Мы сосредоточенно ждем, когда же нас, наконец, попрет, но, кроме алкогольной расторможенности, я пока не ощущаю ничего.

- Не бутор? - спрашиваю я Юлю, - ты уже курила эту траву?

- Хорошая, - говорит она, и я готов поверить, что она действительно хорошая. Юля мрачнеет на глазах, и я понимаю, что она начинает грузиться. Я перевожу взгляд на Ивана - в его глазах проступили красноватые прожилки. Все в порядке.

- А когда же все-таки придет Антон? - снова спрашиваю я, обдумывая каждое слово. Внезапно мысль останавливается, и я уже не жду ответа на свой вопрос, да мне никто и не думает отвечать. Иван поднимает черепаху-пепельницу и очень внимательно рассматривает ее брюшко. Затем он поворачивает ее боком, и серебристый пепел сыпется на стол.

- Положи сигареты, - строго говорит Юля.

- Сигареты? - переспрашивает Иван, - Это же черепаха.

- Череп Аха, - произношу я торжественно.

Иван вставляет сигарету в рот не тем концом и пытается таким образом ее прикурить.

- Осторожно! - кричит ему Юля, и тот, уронив голову на ладони, внезапно заходится визгливым смехом. Против своей воли я тоже расплываюсь в улыбке.

- [h']ля, вы чего? - также улыбаясь спрашивает Юля.

Иван не отвечает, он по-прежнему смеется, его голова беззвучно сотрясается, и грязные пальцы все глубже входят в нечесанную шевелюру. Внезапно он представляется мне во всей своей мерзости, и я снова воображаю себе, каким бы он виделся мне, окажись я вдруг женщиной. Я поднимаюсь, чтобы выйти на балкон и там покурить в уютном одиночестве.

- Хорошая трава, - говорю я смеющемуся Ивану.

Я встаю в дверном проеме и чувствую кожей, как горят мои изящные контуры, подсвеченные солнцем. Я становлюсь чуть иначе, опершись полусогнутой рукой о дверной косяк и прищулив один глаз. Моя щетина как раз сексуальной длины. Я гляжу сквозь марево чуть смеженных ресниц, и на затылке от захлестнувшего меня удовольствия принимаются шевелиться волосы. Я вижу свое отражение в тусклой полировке серванта – оно отдалается от меня, но мой взгляд автоматически фокусируется, компенсируя разницу расстояний. Я перестаю дышать и затаиваюсь внутри невидимой скорлупы. Пугающая дрожь пробегает по моему телу. Я открываю рот и провожу языком по обнажившимся зубам. Мне кажется, что я прекрасен сейчас. Я улыбаюсь Юле, думая, что она понимает меня без слов. Я вижу, как она прельщается мной, а я ее трусами, проявляющимися под черной юбкой незамысловатым контуром. Кофейное зерно, спрятанное у нее между ног, ласкает мое воображение, но какой-то импульс в голове прерывается, и я угасаю. Я прихожу в себя на некоторое время и приближаюсь к своему креслу, глубокому, как дно. Бескрайний мир вокруг движется томными кадрами, неохотно перемещаясь за моими глазами. Я вытираю слезу, влажно устроившись на моей щеке. Я плачу от безумного счастья.

Я смотрю на Юлю и Ивана, очнувшись от охватившего меня оцепенения. Она, шатко установив согнутую в колене ногу на вытянутые пальчики, быстро трясет ею, отбивая сто двадцать восьмые доли играющей музыки. Иван курит, но я почему-то не помню, чтобы он брал в руки сигарету последние несколько минут. Голова наливается горячим, а глаза готовы лопнуть от страшной силы, распирающей их изнутри. Это скоро пройдет.

– Е..., – шепотом произносит Иван.

Юля поднимается с места и пританцовывающей походкой идет по комнате, пересекая ее по диагонали. Она улыбается, вероятно, думая о себе, о том, как движется ее тело в плотном воздухе комнатной духоты. Новая волна эйфории уносит меня прочь, назад от замаячившего рационального берега. Нехорошие мысли по поводу Борова и его обрезов носятся как мусор в водовороте, грозя вот-вот затонуть.

Внезапно в коридоре сильно хлопает дверь. Мы глядим друг на друга, и мрачное предчувствие мгновенно портит мне настроение.

– Это Антон, – счастливо произносит Юля и кидается к двери.

В коридоре звучат громкие голоса, но я почему-то не могу разобрать слов. Их смысл доходит до меня лишь тогда, когда я снова слышу знакомые чавкающие звуки мордобоя.

– Орел говоришь? – орет кто-то незнакомый и невидимый мне. – Орел?! Орел?! ОРЕЛ?!!

И опять удары, очень часто, словно одного бьют сразу же несколько человек. Я почему-то пугаюсь, что бьют опять-таки Борова, лучше бы он не возвращался.

– ОРЕЛ?! – снова орет кто-то. Истошный женский вопль вторит этой злобной истерике. Юля выходит в коридор, но тут же делает несколько поспешных шагов назад.

– О-ой! – она несколько раз хихикает, и это напоминает мне детские всхлипы. Неадекватная реакция. Нарко-психика.

В комнату вбегает Боров. Он возбужден и бормочет что-то матерное. Новых кровоподтеков на его лице нет, и вообще, похоже, что на этот раз били не его, а Васю. Вслед за Боровым появляется какой-то крепыш в интеллигентных брючках с наглаженными стрелками и белой рубашке. Под мышками и на спине влажно сереют крупные пятна.

– С-сука! – говорит Боров, – вот ссука!

– Кто его бил, а? – с южным акцентом спрашивает тот, что в брючках. Мы молча поднимаемся навстречу. – Кто его бил, суки, порву!

Наверное, это Алик. На всякий случай я отодвигаюсь от него в сторону и выглядываю в дверной проем. Еще двое (из тех, что привел с собой Боров) держат Васю, все норовящего выскользнуть у них из рук и тюленем распластаться на засранном линолеуме. Вместо Васиного лица я вижу что-то распухшее и багровеющее, как секс с незрелой малолеткой. Наверное, подросткам бывает больно трахаться с настойчивыми педофилами, желающими осквернить юность своим гнилым семенем. «Лолиту» я читал со смешанным

чувством эрекции и гадливости, а имя Гумбольдт Гумбольдт напоминало мне о таежном гнусе.

– Э-эх! – еще раз кричит Алик и снова звонко чавкает кулаком о собственную ладонь. Васю ставят на ноги. Наверное, его уже не будут бить. Боров возвращается к нам и останавливается напротив своего агрессора.

– Вот так, – говорит он удовлетворенно, – теперь пойдём разберемся с остальными.

Это к нам с Юлей и Иваном не относится. С нами уже разобрались. Я унижен и испуган, мне кажется, что мой наркотический кайф заметен всем, и сейчас Боров ко всему прочему еще спросит меня о том, кто, вашу мать, разрешал курить его траву.

Васю тащат в коридор. Юля осторожно идет за ними. Я никак не могу понять, сколько всего людей в квартире, наверное, уже не меньше дюжины. Я не против, чтобы нас здесь стало на одного меньше. На меня, то есть. Прочь отсюда, и эйфория вернется. Я буду спускаться по лестнице пешком, давась шибяющим в затылок смехом.

Юля возвращается, на ее лице прежнее удивление.

– Менты пришли, – тихо говорит она. Мне вдруг становится все равно. Я ни при чем, слышите? Наверное, вызвали соседи, слыша весь этот тарарам. Да, собственно, неважно, кто вызвал.

Вслед за Юлей в комнату стремительно входит второй мужик из тех, что привел «на подмогу» Боров, наверное, подельник Алика.

– Где стволы? – со свистом шепчет он всем нам, – Где стволы? Давайте же, быстро!

– Один там, – Юля тыкает пальцем в сторону дивана, затем кидается сама и принимается шарить рукой в пыли.

– Там два, – говорю я мужику.

Из коридора доносятся голоса новых персонажей. Алик что-то зло объясняет ментам, а они досадливо гундят в ответ.

- Быстро, быстро, - шепчет подельник, - сумку давайте или пакет.

Кто-то извлекает откуда-то обыкновенный полиэтиленовый пакет, желто-черный, как оса. Обрезы опускаются в пакет как тапочки. Мужик тащит это дело на лоджию и по его движениям, заретушированным грязным тюлем, я понимаю, что он кидает их вниз. Звука от удара я не слышу. Зато почему-то слышу, как в подъезде работает лифт. Мне кажется, что именно сейчас он преодолевает наш этаж.

- Вам нужно поговорить с хозяевами квартиры, - деловито говорит появившимся угрюмым милиционерам Алик, - они объяснят, что здесь произошло. А я могу быть свидетелем. Эти, - он показывает на нашу тройцу, - вообще случайные люди. Они здесь не живут.

Мент медлит. На какой-то момент мне кажется, что нас сейчас действительно отпустят. Затем он возвращается в коридор. Должно быть, говорить с Боровом. Едва он исчезает, подельник кидается к Ивану.

- Сейчас ты выйдешь, - звонко шепчет он в желтоватое от ушной серы отверстие, - возьми этот пакет, что внизу, и отнесешь за школу. Понял? Там бросишь под вагончик. Тут метров сто тебе идти, не больше. Ну, давай, давай. На выход.

Он подталкивает Ивана к двери комнаты, но оттуда снова появляется мент. Другой. Старше в звании и по возрасту.

- Никуда ты не пойдешь, - зло говорит он, - сидите в комнате и ждите.

Мягкий спазм охватывает мой пищевод. Я тихо срыгиваю и с ужасом наблюдаю, как из моих разомкнутых губ появляется белесый дымок. Запах конопли проникает в нос. Дым, истаивая, медленно плывет по комнате. Я внимательно слежу за ним, пока не понимаю, что принимаю за дым слящисые тени и блики на крышке серванта. Вернее, я не успел заметить того момента, когда принял одно за другое. Потом ловлю на себе взгляд Юли и отчего-то смущаюсь.

В коридоре раздается будто бы топот множества ног. Я продолжаю как ни в чем не бывало сидеть в кресле, таясь в своей скорлупе. Наверное, пришли еще менты, так сказать, подмога.

– Выводите их на площадку! – орет кто-то. Капитан милиции входит к нам. Баба с лицом старой шлюхи семенит за ним.

– Ребят-то отпустите, – говорит она, – пусть ребятки идут.

– Да тут целый притон, – говорит капитан. Я понимаю, что он шутит, но мне не нравятся его слова. Совсем. – А ну-ка.

Он неопределенно машет рукой в сторону двери, и мы с Иваном бредем на выход. У дверей стоят еще два мента, в руках одного резиновая дубинка. Я напускаю на себя важный и независимый вид.

На площадке нас выстраивают вдоль стены. Я упираюсь руками и раздвигаю ноги. Напротив моего лица крутится электрический счетчик. Чьи-то руки ищут на мне оружие. Зря. Оружие давно уж валяется под домом. Возможно, что два случайных пацана сейчас внимательно изучают его.

– Все, пошли, – командует кто-то. Меня разворачивают, и я спускаюсь по лестнице вслед за Боровом и остальными. Руки приказано держать за спиной, но я делаю вид, что не расслышал с первого раза. А второго просто не последовало.

Опорный пункт милиции находится в ста метрах от дома. Там нас всех загоняют в металлическую клетку и запирают. Боров стоит рядом со мной, и от него воняет водкой и потом. На лице засохла кровь, на рубашке уцелело всего две пуговицы.

– Надо валить отсюда, – говорит он мне.

– Они нас отпустят, – говорю я. – Пьяный дебош, это же ерунда. Тебя оштрафуют и все.

Я умалчиваю о том, что менты, возможно, отобьют ему селезенку, и он уже не сможет пить. Он, строго говоря, вообще ничего не сможет в жизни.

– Я не о том, – Боров машет рукой и сильно икает, – валить вообще н-надо!

– Вообще?

В ответ Боров как-то непонятно хрюкает и трет глаза кулаками. Я понимаю вдруг, что он пытается не заплакать. Я думаю об этом желании непременно попасть в столицу и лишь там выбиться в люди. Думаю, и отчего-то сам становлюсь сентиментальнее. Ведь мой барыга, заикающийся Боров, не хуже других понимает, что где-то есть жизнь лучшая, достойная жизнь. Люди не свиньи, и если воняет говном, то они всегда знают, что это просто говно и ничего больше. Человек никогда не привыкнет к той мерзости, в которой ему по несчастью или по заслугам случилось оказаться. Я, во всяком случае, не верю в это. Особенно если человек молод.

Дверь клетки лязгает, и дежурный опорного пункта внимательно всматривается в наши не очень дружелюбные лица.

– Вы как, трезвые? – наконец спрашивает он нас с Иваном.

– Да, – неуверенно говорю я.

– Вы можете идти, – говорит мент. Вот так. Все так просто.

Подельник Алика ловит Ивана за руку и сильно сдавливает ему костяшки.

– Понял? – спрашивает он. – Можешь идти.

Я выхожу вслед за Иваном. Обернувшись на мгновение, успеваю заметить, что у Борова глаза совсем на мокром месте.

Уже через минуту, оказавшись на улице, я стараюсь не думать ни о Борове, ни о его северной мечте. Я возвращаюсь домой. Туда, где живет моя женщина.

Мы готовим желе. Мы вообще любим готовить вместе. Я включаю музыку, чтобы не было скучно, и стряпня заменяет нам телевизор. Впрочем, знаете ли, тоже здорово – тарашиться вдвоем на экран и думать об одном.

Лена греет на плите розовую жижу, а я рассказываю ей о том, что случилось этим утром у Борова.

– И ты не накуривался? – спрашивает она. Похоже, что история с обрезами ее мало интересует.

– Нет, – говорю я.

– Быть не может.

Я пожимаю плечами. Вряд ли я сумею чем-либо доказать свою невиновность. Она отворачивается к плите, и я смотрю на ее зад. Едва заметная складка легла на халате. На моей жене нет трусов. Она вообще редко носит их дома, – я пытался ее научить этому несколько лет, и вот, кажется, научил.

Передо мной стоит задача: сыграть этот вечер как можно в более мажорной тональности, чтобы позже в постели она сказала мне «да». Как там у Джойса. Он почувствовал мои груди и их аромат да и сердце у него колотилось безумно и да я сказала да я хочу Да. Я хочу ее, черт!

Но женщины никогда не трахаются просто так. Это мое горькое открытие. Никогда. Не верьте оторвам в желтых клеенчатых штанах и с пирсингом. Тем, кто прикуривает от вашей сигареты и насмешливо выпускает дым вам же в лицо. Даже они не трахаются за счастье. И когда засовываете свою ладонь им между ног и трогаете теплый, влажный пирожок через хлопчатобумажные трусы, не думайте о том, что это сойдет вам с рук. Самки животных никогда не испытывают оргазма. Вот ведь, в чем штука. И в женщинах, наверное, еще слишком сильна эта странная память о прошлом человечества. Обними меня, просят они. Говори со мной. Они научились кончать, но так и не научились по-настоящему хотеть. Так, как хотят друг друга два гомика, одурманенные тестостероном.

У женщин мало тестостерона. У них слишком уж трезвый взгляд и на жизнь, и на секс. Она не даст вам просто так, не верьте. Лучше сделайте предоплату,

сложите к ее ногам свой учащенный пульс и медленные секунды, предложите ей свою смерть и свое семя. А когда будете трахать ее, с силой разводя судорожными пальцами мягкие ягодицы и дыша в слабую женскую шею, попробуйте подумать о том, как выглядите в ее глазах. Будьте уверены, даже когда женщина, запрокинув голову, закрывает глаза, когда по телу ее пробегает неотвратимая дрожь, она все равно не ваша и не с вами.

– И тогда он сказал, можете идти. Я купил молока, желе и пошел домой, – повторяю я конец своей истории.

– Мне все равно, – неожиданно говорит она.

– Мне тоже, можешь не верить, – отзываюсь я равнодушно. Но меня по-прежнему тревожит ее попа. Я вспоминаю, как утром смотрел на потные волоски, торчащие из-под трусов неизвестной мне Ларисы в юбочке-трапеции. Я встаю, подхожу к жене и заглядываю через ее плечо в кружащееся варево. Потом целую пушистый затылок.

– Стас, – говорит она раздраженно. Я отхожу и плюхаюсь в соломенное кресло. Я думаю о том, чтобы обидеться и заткнуться. Иногда приятно обижаться, знаете ли. Но не сегодня, если я хочу, чтобы ночью мы были вместе. И только ли ради этого, впрочем.

– Ты не веришь мне, потому что я тебе безразличен. Да?

Это запрещенный прием, я пытаюсь вывернуть ситуацию наоборот, заставить ее почувствовать себя виноватой. «Пожалей меня», – вот что сквозит на деле в моих словах. Понимает ли она это? Вероятно, да. У нее в жилах течет гордая аланская кровь.

– Это я тебе безразлична. Я просила тебя утром остаться, а ты хлопнул дверью. Что было важнее меня?

– Ничего, – я отвечаю так лишь потому, что не могу придумать ничего лучше. Мне вдруг делается отвратительно вся моя ложь. У нас могли бы быть такие прекрасные отношения, как в чувственных, кристально аристократичных романах Франсуазы Саган.

Я снова делаю паузу и состраиваю драматическую мину, но она не замечает моей напускной обиды, и стрела летит мимо цели. Я включаю приемник, но не делаю звук слишком громким, опасаясь, что это может помешать нашему разговору. Чтобы примириться, мы должны дать волю словам. Так уже бывало прежде.

- Почему ты не остался? - она неожиданно перестает мешать желе, и, обернувшись через плечо, как-то зло вглядывается в мое лицо. Что я могу ответить? Усталость дает о себе знать, и исчезнувшее было пару минут назад раздражение возвращается.

- Почему ты не остался, Стас?

- Потому что я не могу поступать исключительно так, как меня попросят.

- Ты меня называешь во множественном числе?

- Что? - я понимаю ее вопрос с секундным опозданием, но она тут же чувствует это, и мрачная стена между нами, которую я намеревался разрушить этим вечером легкомысленной болтовней, становится еще выше.

Она отворачивается. Я начинаю бессмысленно переключать станции.

- Я же вернулся. И довольно быстро.

- Спасибо за одолжение.

- Это не одолжение.

- Наверное. Это хуже. Унижение. Почему ты не остался?

- Почему ты не можешь перестать меня об этом спрашивать?! - Я неожиданно срываюсь. Ошибка. Проигрываю эту партию.

- Потому что я нервничаю, Стас! Я всегда нервничаю, когда ты уходишь! Я не хочу оставаться одна, понял? Ты же такой умный, ч-черт! Ты же так хорошо понимаешь женщин, тех, кто не зависит от тебя и от твоей блажи. И главный

женский страх – это одиночество! Почему я вообще должна тебе это говорить?

– Можешь не говорить.

Еще одна ошибка, более грубая. Мне нечего ответить, вот и все. Все, что я мог бы сказать сейчас, невыразимо посредством языка. Я мог бы обнять ее. Это все, на что я способен.

– Когда я выходила за тебя замуж, – говорит она с горечью, – то более всего я ценила в тебе одно качество.

– И какое же?

– Ты мне никогда не врал, Стас, вот какое!

Она переходит на крик, и взгляд ее становится мутным от набегающих слез. Страх и злоба борются во мне, я отворачиваюсь и гляжусь в запотевшее окно, за которым нервно и часто мигает желтое слово «ПОЧТА».

– Выключи газ, – тихо говорю я, – воздух слишком влажный.

Она молчит, и бешенство в ее глазах сменяется недоумением. Затем она поворачивает черную ручку, и кипение прекращается.

– Дело даже не в наркотиках, – произносит она после небольшой паузы. – Может быть, мне просто кажется, что ты стал другим...

– Я прежний, – быстро говорю я, сам ужасаясь такой возможности, но она не обращает на эти слова никакого внимания.

– Наверное, это просто моя внутренняя проблема... Мне трудно мириться с тем, что ты все время стремишься уйти. Я могу заменить жизнь с тобой на жизнь без тебя. Но я никогда не хотела этого. До тех пор, пока не стала уставать от одиночества. Понимаешь, Стас, я просто устаю. Укатали Сивку крутые горки.

– Ну-ну...- бормочу я. Мне вдруг хочется объяснить ей, что я по-прежнему люблю ее, и больше всего на свете я люблю смотреть с ней телевизор и готовить на

кухне. И мои уходы вовсе не означают, что я потерял интерес к своей жене. Просто мне нужно иногда это чувство, когда мир замирает вокруг, и делается так уютно в своей скорлупе. Я открываю рот, молчу, снова закрываю его. Мне страшно, что если я заговорю об этом, наши отношения уже никогда не будут такими как прежде.

– Я писатель, – вымученно произношу ничего не оправдывающие слова. – Мне нужны впечатления и люди. Понимаешь, разные люди и судьбы. Иногда изломанные судьбы. Эти люди кажутся тебе говном. Мне и самому так кажется...

– Мне плевать, что тебе кажется! – она с силой бросает ложку в кастрюлю с желе, и розовая жидкость выплескивается через край. Мой взгляд замирает на медленных каплях.

– Мне плевать, что ты писатель, понял? Никто еще не стал писать лучше лишь потому, что решил опуститься на дно. Можешь считать меня посредственностью, но мне нужна нормальная жизнь. В самом обычном смысле. С тобой эта жизнь невозможна.

– Возможна, – шепчу я, опуская глаза. Страх, что сейчас произойдет что-то непоправимое, вдруг делается самым сильным чувством.

– Может ты и хороший человек, Стас. Сам по себе ты неплох. Но плохо мне и чем дальше, тем хуже. Знаешь, какие мысли в последнее время лезут мне в голову, когда мы занимаемся любовью?

– Какие? – говорю я, пытаюсь, чтобы мой голос звучал спокойно.

– Такие! – передразнивает она мой тон. Затем, помолчав, – с кем ты был днем. До меня. Ты понимаешь?

– Да? Такие мысли? Это неправда.

А правду я не могу сказать, добавляю мысленно, прости меня.

– Откуда я знаю? В каждом твоём слове теперь ложь. Ты начинаешь врать, даже если в этом нет никакой нужды. По привычке. Ты не замечал?

– Нет, не замечал. – Я поднимаюсь и, стараясь не смотреть на Лену, подхожу к окну. Дышу на стекло и провожу одинокую линию, перечеркивающую тревожное слово «ПОЧТА». Я не могу продолжать этот разговор. Я приперт к стенке.

– Почему ты все время врешь, Стас, ты можешь это объяснить? Почему, когда я со слезами на глазах упрашиваю тебя побыть со мной, ты ведешь себя так, словно я пустое место? Почему ты вспоминаешь о том, что у тебя есть жена, лишь тогда, когда тебе хочется куда-нибудь засунуть свой член?! Потому, что ты не любишь меня или потому, что ты наркоман?

– Не важно, – неожиданно для себя самого отвечаю я.

– Что ты сказал?

– Я сказал не важно. Я вообще не должен что-либо отвечать.

– Так ты считаешь, что ты мне ничего не должен?

Лена щурит глаза и произносит эти слова каким-то сиплым изменившимся голосом. Я все еще не хочу ссоры, мне неприятно обижать людей, особенно близких. Но я устал. Трудный выдался денек, знаете ли. Хочется спать, а не говорить о важном.

– Я считаю, что я тебе ничего не должен, – отчетливо произнося каждое слово, говорю я.

– Повернись, Стас.

Я нехотя оборачиваюсь. Так глупо, но при всей серьезности ситуации у меня возникает лишь одна мысль, что этой ночью мы вряд ли будем заниматься сексом. Неужели она права, и мои потребности в жене ограничиваются лишь ее телом? А что еще есть, кроме тела?

Она смотрит мне прямо в глаза, и я не выдерживаю взгляда. Нервничаю и тарашусь по сторонам, без надобности останавливаясь то на часах, смонтированных в тарелку гжель, то на фальшивом блеске столового мельхиора.

- Ты подлец, - говорит она с ненавистью, - понял?

- Да? - я криво усмехаюсь, - и в чем состоит моя подлость? В том, что я иногда вытираю твои сопли, когда тебе делается грустно? В том, что я избавил тебя от необходимости сожительствовать без любви?

Лена неожиданно делает шаг ко мне и, с силой размахнувшись, бьет меня по голове плотно, как стиснутые зубы, сжатым кулаком. Я совсем не готов к этому. Отступив, я упираюсь в подоконник. В ужаленном ухе нарастает тихий звон. Она размахивается снова, но я успеваю перехватить ее руку. Тогда она бьет меня коленом в живот. Ее нерусские глаза глядят на меня с ненавистью. Я отталкиваю ее слабое тело немного сильнее, чем следовало бы. Она падает, опрокидывая вслед за собой клетчатый стул. Тут же принимается шарить руками вокруг и, обнаружив обороненную ложку, швыряет ее мне в лицо. Я зажмуриваюсь и вытягиваю вперед растопыренные ладони.

- Ты мразь! - кричит она, - ты не смеешь бить меня, понял?!

А я и не бью. Я просто не хочу, чтобы нападали на меня. Еще минуту назад я хотел спать, а не драться с собственной женой. До чего же мы докатились, боже!

Лена поднимается на ноги и, кинувшись ко мне, принимается молотить, куда придется. Я уворачиваюсь, и большинство ее ударов не причиняют мне боли.

- Успокойся, перестань! - кричу я в ее заплаканное, покрасневшееся лицо. - Отстань от меня, сука!

- Отстать? - спрашивает она. - Мне нужно бросить тебя, чтобы ты мог вести такую жизнь, какая тебе нужна?

Еще одна пощечина, и жаркое тепло заливает мое лицо. Я снова отталкиваю жену обеими руками. Мой подбородок начинает предательски дрожать. То, что происходит - это, наверное, несправедливо. Ни по отношению к ней, ни по отношению ко мне.

Она медленно снимает с плиты кастрюлю с горячим желе.

– Тебе нужны впечатления? – с нервным смешком спрашивает Лена. Я понимаю, что это очень серьезно.

– Остановись, – хриплю я, – остановись или будет хуже.

– Куда уже хуже! У нас плохие отношения, ты этого не понял?

Я никогда не думал об этом. Я хватаю кастрюлю, и какое-то мгновение между нами происходит неуклюжая борьба. Затем кастрюля с глухим стуком летит на пол. Розовые брызги обжигают мои голые ступни. Я вскрикиваю, и Лена с ненавистью плюет мне в лицо. Спустя долю секунды коротким ударом я бью ее в скулу.

Она закрывает лицо ладонями и сразу как-то съеживается. Позывные радиостанции невыносимо громко звучат во внезапно наступившей тишине. Я выключаю радиоприемник и отхожу в сторону.

– Ну вот, – бормочу я, – я не хотел этого, Лен. Чтобы так, нет...

Она садится на стул с вращающимся верхом и сильно тянет носом.

– Ну вот, – мрачно повторяет она, – сама этого хотела.

Я устало облакачиваюсь на подоконник и только сейчас замечаю в его самом дальнем углу у стены темно-зеленый женский кошелек. Даже с расстояния видно, что вещь хороша – не Китай и не Турция. Я никогда не дарил такого моей жене – вот в чем штука.

– Ты меня не любишь, – с напускным хладнокровием заявляет она, и этот театральный прием почему-то кажется совершенно естественным.

– Такой как сейчас – нет, – в тон ей отвечаю я.

Она трясет головой, и ее длинные прямые волосы делают взмах, словно тонкие черные крылья.

– Ты меня не любишь, – шепотом повторяет моя жена.

Лена неожиданно поднимается и выходит прочь. Я не иду за ней следом.

- Мы с тобой чужие друг другу, - кричит она из комнаты.

- Это не так, - громко отвечаю я, и принимаюсь рассматривать кошелек, взяв его в руки. Он действительно новый и пахнет кожей. Застежка открывается туго - внутри пусто.

Из комнаты доносятся какие-то звуки, шуршит целлофан, два раза хлопает дверца шифоньера.

- Лена! - зову я жену, но мне никто не отвечает. Да и что тут ответишь. Я ставлю на ноги стул, водружаю на плиту пустую кастрюлю. Взяв со стола тряпку, пытаюсь вытереть горячую ароматную лужу, но, промакнув пару раз, понимаю, что тряпка слишком мала. Снова хлопает шифоньер. Лена появляется в дверях - на ней черные джинсы и желтая майка. Лифчика, похоже, нет, - то есть так, как я не люблю. Она бросает на пол туго набитый на вид пакет и принимается нервно застегивать босоножки.

- Ты куда? - спрашиваю я. Она не отвечает сразу. Лишь окончательно обувшись, поднимает на меня раскрасневшееся лицо:

- Отсюда!

- К матери?

- Да.

- Или к отцу?

- Какое тебе дело? - она поднимает пакет и действительно готовится уйти. Родители моей жены разведены уже пятнадцать лет. У отца появилась вторая семья, а мать так и осталась одинокой.

- Откуда у тебя это? - спрашиваю я, показывая кошелек.

- От верблюда! - зло обрывает она.

Я шагаю ей навстречу, задевая валяющуюся на полу ложку, которая мелодично отлетает под стол.

- Лена!

- Что?

- Не уходи.

- Что, стало страшно? - она щурит глаза.

- Что страшно?

- Что некого теперь будет трахать? Что придется искать кого-то другого?!

- При чем здесь это?

- Притом. При том, что ты ко мне так и относишься.

- Это неправда, - в который раз за сегодняшний вечер повторяю я.

- Мне плевать, правда это или нет. Я тебя бросаю, неужели не понял?

Неожиданно у меня слабеют ноги. Не потому, что я испугался остаться один. Просто я много раз читал о подобных ситуациях, а теперь это происходит со мной. И мне странно оттого, что это происходит именно так, как происходит, и нельзя переставить местами слова или вернуться к сохраненному тексту.

- Я люблю тебя, - говорю я жене.

Она на секунду задумывается и морщит лоб.

- Мне плохо от твоей любви. Не люби меня больше. Никогда.

Лена принимается крутить ручку замка и у нее почему-то не получается открыть дверь с первого раза. Я барабаню ногтями о стену.

– Позвони мне, – бросаю я вслед, когда она, наконец, выходит за порог. – Позвони, когда у тебя все будет хорошо. Когда ты успокоишься. Психопатка чертова!

Я часто моргаю, и блестящая, искрящаяся резь наполняет мои глаза.

– Психопатка чертова, – повторяю я срывающимся шепотом. Где-то принимается гудеть невидимый лифт. Еще несколько минут, словно оставив на время свое истерзанное ссорой тело, я продолжаю видеть ее, спускающуюся вниз, выходящую из подъезда и спешащую на остановку. Я слежу за своей женой, покуда не слепнет мое сердце.

Я вхожу в комнату. непогашенная лампа тревожно отражается в тусклой полировке шифоньера. На диване распластался Ленин халат, будто выбросившийся из окна человек. У меня совсем пересохло во рту и невыносимо хочется курить. Я достаю сигареты, спрятанные между книг Джона Фаулза, и, взяв сразу две, выхожу на тесную, заставленную всяким хламом лоджию. «Не бойся, – говорит мне ночь, – все будет хорошо». Я курю с наслаждением, не сбрасывая пепла с сереющего кончика сигареты. Лена ушла. Со мною больше нет ее тела.

– А что еще есть, кроме тела? – беззвучно спрашиваю я у яркой планеты над головой. Это Юпитер. И свет его вдруг начинает странно искриться от неотвратимо набегающих слез.

Глава 6

Ночь проходит удивительно легко. Вопреки моим ожиданиям, потрясение от неожиданного ухода жены не лишает меня сна. Не то чтобы я чувствовал себя совсем беспечно – ушла и ушла, – но настоящего шока нет. Пока нет.

Проснувшись, я моментально вспоминаю все, что произошло вчера. Хуже всего выглядят две вещи – я ударил свою жену и... этот чертов кошелек. Почему-то я не могу придумать ничего другого, как предположить, что эта штука подарена. Я не дарил, точно. Она не покупала – Лена всегда показывает все, что появляется у нее после магазинов.

Это подарил любовник.

Самое плохое непременно первым приходит мне на ум. Я ненавижу свое воображение – оно всегда врет и не может остановиться. И я не могу остановиться вместе с ним, пока не провалюсь с головой в нечистоты человеческого срама и стыда. Измена – это, пожалуй, самое ужасное из того, что может произойти в наших отношениях. Должно быть, тогда я точно лишусь сна, и у меня больше не встанет член ни на одну из честных баб. Лучше сразу знать, что тебя заведомо обманывают.

Но это не самое худшее. Отвратительно то, что я уже не смогу избавиться от неестественно яркой картинки в голове, похожей на хард-порно в интернете. На этой картинке моя жена будет трахаться с мужиком, не имеющим со мной ничего общего. А впрочем, будь он хоть мой брат-близнец – мне насрать. Она будет стоять на четвереньках и совокупляться в анус. И если мне случится увидеть такое когда-нибудь на самом деле, я, наверное, сойду с ума.

Я осматриваю кошелек очень внимательно, затащив его с собой в постель. Я нюхаю его – он пахнет новой вещью и неприятностями. Внутри, конечно же, нет никаких визитных карточек и даже простых бумажек с нацарапанным телефонным номером и бесполоыми инициалами. Внутри вообще ничего нет. Я кладу его на пол у дивана, но на самом деле мне хочется спустить его в мусоропровод.

Так есть любовник, или его нет?

Это не вопрос. Я точно знаю, что никого нет.

Я не хочу покидать кровать. Сегодня последний выходной, и я могу позволить себе это. Но зато я не могу позволить себе неотвязно думать о женщине, которая вчера ушла. Мне нужны люди, чтобы растворить в ком-нибудь свою густую, как деготь, мысль.

Я ощупываю карманы съезжившихся на стуле джинсов и достаю телефон. Я помню все номера наизусть, но, задержав палец над кнопками, вдруг понимаю, что теперь предстоит делить имущество. Если мы действительно расстались. Если уже никогда не будет телевизора на двоих, общей кухни, совместной ванны и обоюдного секса. А секс, как мы поделим его? Что я теперь буду делать с пятьюдесятью процентами секса?

Я не знаю этого, как не знаю того, откуда взялся дурацкий кошелек. Мне становится тоскливо. Это похоже на зубную боль, о которой забываешь во сне, и вспоминаешь на рассвете, когда окончательно просыпаешься, принюхиваясь к несвежему запаху изо рта.

Я встаю и, не выпуская телефона из рук, отправляюсь в ванную чистить зубы. Я так энергично орудую щеткой, что белые брызги периодически орошают зеркало в лаконичной оправе с четырьмя декоративными болтами по углам. Одна из десен кровоточит, и я сплевываю розовую пену.

Зубная щетка Лены, во всяком случае, стоит в граненом стакане, и шампунь, пахнувший цитрусовой эссенцией, как теплая фанта, тоже пока со мной. Шампунь для ломких и сухих волос. Мне больше нравится слово хрупкие. У моей жены такие хрупкие волосы, и надо проявлять осторожность, когда касаешься ее головы. У нее хрупкие волосы, потому что она очень нежный человек. Женщина с хрупкими волосами, нежной кожей и стальным позвоночником.

Почистив зубы, я раздумываю, кому позвонить.

Есть Вадик. Очаровательный блондин с героиновой зависимостью – ранней, как самое нежное утро. В моем телефоне Вадик под номером пять. Я набираю его номер и, слушая гудки, раздумываю, не рано ли для звонка. Оказывается, что отнюдь. Вадик, судя по необыкновенно бодрому голосу, давно не спит и, по видимому, занят тем, что пылесосит свои пухлые, как детские ладошки, ковры.

– Привет, Вадик! – радостно кричу я в трубку – Хорошо, что ты не спишь.

– Привет, – ласково отвечает он, – я жду тебя через час.

– Это отлично, – заверяю его, – я как раз хотел завтракать. А потом мы встретимся, и я расскажу тебе сногшибательную новость.

– Что такое? – воркует Вадик. У него здорово получаются такие интонации. Он не педераст, но его очень легко принять за педика, когда он говорит в верхнем регистре. – Ты заболел?

Я смеюсь в ответ. Я чувствую себя прекрасно, ощущение свободы вдруг вдохновляет меня. Я сегодня же укачу в солнечное лето, и буду делать все, что захочу!

– Я не заболел, Вадь, у меня теперь просто другой статус.

– Ладно, Стасик, – говорит он с напускной серьезностью, давая понять, что обсуждать по телефону он ничего не намерен, – кушай и приходи ко мне.

– Я понял. Я скоро приду.

Он вешает трубку, не прощаясь. Я заправляю одинокую постель и торопливо надеваю «Wrangler». Ниже пояса я часто не ношу ничего другого. У меня, между прочим, целый комплект этих «Wrangler» – совсем затертых и бархатных от свежести и новизны.

Уже стоя в дверях, вешая телефон на пояс, я вспоминаю о кошельке – взять ли его с собой, показать ли Вадику? Но что с того, если Вадик подтвердит мои опасения. Смогу ли я что-нибудь предпринять тогда?

Я легко шагаю по пыльной дороге, пересекаю школьное футбольное поле, где пара подростков с навязчивым упорством по очереди загоняют друг другу голы. Молодые идиоты, должно быть, полагающие, что будут жить вечно.

В лифте сильно пахнет духами. Кто-то юный и красивый, с полным комплектом зубов и без варикозного расширения вен на ногах стоял здесь всего несколько секунд назад.

Вадик встречает меня в трусах с Бивисом и Баттхедом. На шее болтается какой-то амулет.

- Смотри, что мне подарили! – радостно заявляет он с порога. Я пожимаю его нежную ладонь и не говорю ни слова.

- Это от сглаза, – интимно улыбаясь, говорит Вадик, – мы с Оксаной познакомились вчера в «Северном льне». Сидели часа три, и пили пиво, ничего другого она не употребляет. А потом подарила мне эту фигнюшечку. Она верит во все это, правда, верит.

- Да? – неопределенно переспрашиваю я.

- Ей шестнадцать лет, представляешь?

- Ты в два раза ее старше.

- Это же класс, – улыбается Вадик, – ты будешь пить чай с розовыми лепестками?

- Конечно.

- Ты трахнул эту Оксану?

- Пока нет, – кричит Вадик из кухни, – ей нужно было домой, и я посадил ее на такси.

Я прохожу в комнату. На ковре нет ни соринки, наверное, он действительно только что его пылесосил. Музыкальный центр беззвучно мигает помпезным индикатором. Это единственная дорогая вещь в комнате, а прежде Вадик, говорят, жег стодолларовые банкноты в пепельнице за здорово живешь. До того, как его посадили.

- Пойдем на кухню, Стас, – говорит Вадик, появляясь в дверях.

- Пойдем, – соглашаюсь я, – я же хотел рассказать тебе одну важную вещь.

Мы пьем чай с запахом розовых лепестков из граненых стаканов в подстаканниках, заставляющих ностальгически вспоминать о чистых и хорошо пахнущих поездах, отправляющихся на север.

– Мы с Леной расстались, – говорю я. – От меня ушла жена.

Вадик выдерживает театральную паузу и, причмокивая, отпивает большой глоток кипятка.

– Поздравляю, – отвечает Вадик. Он отставляет стакан и, приподняв очки, трет глаза. – Вот что я тебе скажу, Стасик, – начинает было он, но умолкает, задумавшись о своем.

Насколько я знаю, со своей женой Вадик развелся еще три года назад. Трудно сказать, переживал ли он эту потерю, но о прошлом теперь говорит легко, без боли и сожаления о несостоявшемся будущем. Она ушла от него, когда один из районных судов нашего города должен был вынести окончательное решение по делу о мошенничестве, в котором Вадик фигурировал как главный злоумышленник.

Он умудрился продать девятиэтажный дом, представляете? Позднее, он всегда уточнял, что не весь дом, а лишь большую часть квартир, но мне на это было насрать. Девятиэтажный дом – это все-таки не детская забава. Ему не повезло, он так и не состоялся как любимец колеса Фортуны; одна из общественных организаций, кажется, Детский фонд, подала иск, и вскоре перед Вадиком замаячила тюрьма. Его жена, длинноногая блондинка, что красила губы серебристо-розовой помадой, подала заявление о разводе за несколько дней до вынесения приговора. Вадик сел на пять лет, разумеется, с конфискацией всего незаконно приобретенного имущества. Стодолларовые купюры с тех пор так и не возродились из пепла. Это была эпоха начального накопления капитала, слишком короткая, увы, для романтического мошенника с манерами педераста.

Вадик неожиданно перегибается ко мне через стол и обнимает меня так ласково, что я готов заплакать ему в воротник, как родному брату.

– Ты будешь вспоминать о том, что происходит сейчас, – шепчет он мне в ухо, – будешь вспоминать потом, позже. И думать тебе будет легко и приятно. Ты просто утолишь свой голод не с ней. Один раз, другой, третий... Возможно, вы будете дружить...

- Ну уж, - отшатываюсь я, - я вряд ли захочу даже знать ее, понимая, что она не моя.

- Бред, - шепчет Вадик, вновь придвигаясь ко мне, - какая тебе разница, с кем она будет спать после тебя? А?

- Не знаю.

- Мы имеем лишь то, чего хотим, - Вадик резко садится на место и отпускает меня, - ты же не хочешь быть с ней, разве не так?

- Она мешает мне, - говорю я, - иногда мне так хочется жить самому по себе.

- Стасик, ты еще такой молоденький, - Вадик снимает очки и принимается протирать абсолютно чистые стекла. - Ешь сыр, он классный, с плесенью, я купил утром двести граммов еще до того, как ты позвонил.

- Вообще-то мы сильно поругались, - говорю я, - мы даже подрались.

Вадик смеется, но не оскорбительно, а примиряюще и спокойно. Может быть, я действительно смешон в этой ситуации?

- Только не вздумай теперь терзаться, мучаться и возвращаться.

- Я не хочу возвращаться...

- Будешь накуриваться?

- Да.

- Немедленно?!

- Да!

Я жую острый, шипящий в нос, как кошачья моча, сыр, делаю последний глоток чая с розовыми лепестками.

– Классные у меня трусы? – спрашивает Вадик, когда мы возвращаемся в комнату.

– Угу, тоже подарила Оксана?

– Нет, – с горячим придыханием, дурачась, произносит Вадик, – это мой подарок для нее, сюрприз для моей девочки.

Он быстро делает папиросу, и мы молча курим ее на лоджии. Еще один летний день вполне наступил. Теперь, когда я остался один, мне совершенно все равно, как он пройдет. Эйфория свободы вновь кружит мне голову.

Мы картинно плюхаемся на неудобный диван. Вадик машинально принимается шелестеть дорогим журналом.

– У-у, какие конфовые, – стонет он, демонстрируя мне разворот с фотографией симпатичных сандалий. Фото добротнo обработано цифровым редактором, под гляncем бумаги начинается настоящий рай для богатых и шутов.

Я кручу в руках телефон, скучая и потея одновременно.

– Ты будешь белый? – неожиданно спрашивает Вадик. Я соглашаюсь прежде, чем успеваю подумать.

– Через пятнадцать минут должен подъехать Руслан. Тот, который на джипе, помнишь?

– Наверное, помню.

Я вешаю телефон обратно на пояс. Под тугим кожаным ремнем у меня уже совсем мокро.

Вадик быстро встает и, зашвырнув пачку папирос поверх шеренги книг, принимается одеваться. Натягивая бежевые шорты поверх Бивиса и Баттхеда, он несет всякую чушь.

– Ты должен попробовать, – он приближается ко мне с невесть откуда появившейся половиной кокосового ореха, похожей на макушку обезьяны.

Я охотно жую маслянистый белый кусочек.

– Половина такого ореха утоляет голод, – сообщает Вадик, – представляешь, во время обеденного перерыва на работе ты съедаешь не кулек пирожков, а кокосовый орех?

Пропуская это мимо ушей, я иду на лоджию. Внизу теплый ветер несет мусор над прокаженным асфальтом.

– Ты подумай, насколько это выгодно и насколько полезно, – кричит Вадик вслед. Серая бумага и полиэтилен описывают окружности, словно птицы, огибая жмурящихся от пыли людей. В этом городе столько дерьма прячется по углам. Ветер отчего-то всегда пахнет морем, если дышать его воздухом ранним утром, но только не сейчас, когда время идет к одиннадцати.

Черный джип с открытым верхом въезжает во двор. На его передних сиденьях две бейсболки – ярко-голубая и грязно-белая – все, что можно разглядеть с седьмого этажа.

– По-моему, уже можно отправляться за героином, – сообщаю я Вадиду. Он выходит с кокосом в руках и становится рядом со мной. Козырьки бейсболок задираются кверху – нас заметили, прокуренным баритоном гудит клаксон. Вадик салютует кокосом.

В джипе мы знакомимся, мрачно протягивая друг другу руки и представляясь низкими уверенными голосами. Тот, что за рулем, это и есть Руслан. Вадик ошибался, мы никогда не были знакомы. Справа сидит Гвоздь. Машина напоминает об Америке прошлого – настоящий Jeep Wrangler, без дешевого гламура. Руслан закуривает «красную» «Мальборо», я беру из его пачки сигарету и замечаю крохотную татуировку на запястье – астрономические значки Венеры и Марса.

– За белым еще рано, – говорит Руслан. Джип трогается с места, мы катимся по двору, провожаемые завистливыми взглядами маленьких мужчин, у которых под мышками пока что не выросло ни одной волосины. Руслан включает магнитофон,

когда мы выезжаем на окружную дорогу. Рокабилли несется вслед за нами – это просто восторг. Мы с Вадиком сидим сзади, вцепившись руками в какие-то стойки, на которые натягивается тент.

– Он тащится от всего американского, – наклонившись ко мне, кричит Вадик.

Я вопросительно киваю на Руслана.

– Он армянин, – Вадик хохочет, – но не говори ему об этом.

– Мне все равно, – я прищуриваюсь, – я женат на осетинке. Настоящая аланская кровь.

Мы тормозим около заправки с зеленым тентом. Руслан выпрыгивает из машины не открывая дверцы. Он даже не подумал сделать музыку тише. Я тоже выбираюсь из джипа, собираюсь купить минеральной воды. От сумасшедшего ветра и анаши у меня давно пересохло во рту. Открыв бутылку, я пью воду тут же, около ларька, со стороны наблюдая за тем, как Руслан заправляет машину. Он неожиданно улыбается мне двумя рядами белых зубов.

Я снова думаю об Америке. По правде говоря, мне не нравятся все эти доморощенные янки. Но рокабилли в джипе с открытым верхом мне чертовски нравится. Я совсем не жалею, что ввязался в эту затею с героином.

Вадик приплясывает около джипа, хлопая себя по худым ляжкам. Гвоздь разминает в пальцах сигарету, не решаясь, впрочем, курить около бензина. Я возвращаюсь к ним.

– Поехали за белым! – вопит Вадик.

– Харашо дарагой, будет тебе бэлий, – дурачится Руслан. Он первым садится в джип и газует на холостом ходу. Мы прыгаем следом.

С окружной сворачиваем на одну из тихих улочек, с которой граничит городской парк. Только сейчас я замечаю, что на приборной доске «Вранглера» голубая наклейка с непонятным вопросом «где найти легкость?». Мне отчего-то нравится эта фраза. А правда, где?

Справа мелькают одноэтажные частные домишки с шиферными крышами. Мы тормозим на углу около саманной хаты.

- Надо подождать минут пятнадцать, - сообщает Гвоздь, - барыги еще нет.

- Ты все знаешь, а? - Вадик улыбается.

- Он всегда много базарит, если к нему приехать раньше полудня, - не обращая внимания, продолжает Гвоздь, - начнет городить всякую чушь, что он вообще не банкует.

- А может, мы с него спросим, как с понимающего? - Вадик улыбается еще шире.

- Спросим, когда возьмем, - Руслан неожиданно выключает рокабилли, музыка гложет на половине такта. Он принимается нервно курить.

- Открой бардачок, - просит он Гвоздя. Гвоздь открывает. Руслан достает черный пистолет с коротким стволом. Прижимает его к щеке, затем неожиданно вскидывает вытянутую руку и направляет пистолет мне в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mar-yasov_aleksey/18

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)